

The background of the book cover is a photograph of a person with long, wavy, reddish-brown hair, seen from behind. They are wearing a dark, long-sleeved dress or coat. The person is standing in a field of dry, brown grass or fallen leaves. In the background, there is a blurred cityscape with buildings and trees under a hazy, overcast sky. The overall color palette is warm and muted, with a lot of browns and soft greys.

СМОТРИ, КАК ухожу Я

МАРИЯ
КОСОВСКАЯ

повести и рассказы

Мария Косовская

Смотри, как я ухожу

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70295710

Смотри, как я ухожу: [повести и рассказы] / М. Косовская: Формаслов;

Москва ; 2023

ISBN 978-5-6049777-2-9

Аннотация

Сборник рассказов и повестей «Смотри, как я ухожу» – это современная женская проза. Рассказы и повести объединены темой несвоевременной любви. У всех героев это чувство приходит не вовремя: оказывается безответным, как в рассказе «Салмыш и берёза»; слишком ранним, как в повести «Жуки, улитки и гекконы», или осознаётся героями тогда, когда уже ничего нельзя исправить, как в рассказах «Нити» и «Сундук». Эта книга – о тоске по любви, о сожалении от потери, о понимании того, как быстротечна человеческая связь.

Содержание

Барби	5
Открытый космос	31
Салмыш и берёза	45
Жуки, gekконы и улитки	80
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Мария Косовская

Смотри, как я ухожу

Книга издана при финансовой поддержке Министерства культуры Российской Федерации и техническом содействии Союза российских писателей

© М. Косовская, текст, 2023

© А. Маркина, оформление, обложка, 2023

© Формаслов, макет, 2023

Барби Рассказ

Летом Надя жила у бабушки на даче под Новомосковском и дружила с Алиной, которая была на год старше и закончила уже третий класс. Алина лучше одевалась, лучше знала

таблицу умножения, говорила на двух иностранных языках – английском и немецком, и волосы её лежали белокурыми локонами. Алина считала себя королевой. Так отчасти и было, ведь папа её служил в ГДР, и всё, от внешности до поведения Алины, несло на себе отпечаток другого, неизвестного мира, из которого она приехала на лето к бабушке в Советский Союз.

Дачи находились в разных концах садового товарищества. Надин участок, вернее, бабушкин, располагался первым у входа, и Надя сразу после завтрака садилась у окна ждать, когда Алина и её бабушка пойдут от автобусной остановки. Они проходили часов около двенадцати, и Надя, едва высижив положенные полчаса, за которые, по её расчётам, Алина с бабушкой доберутся до своего участка, отправлялась к ним в гости.

Идя по грунтовой дороге, засыпанной породой из ближайшего терриконика, Надя обрывала с торчащих сквозь заборы веток крыжовник, малину, вишню, яблоки-«залепухи» и черноплодную рябину, от которой губы и язык синели. Надя шла и фантазировала, что идёт по сказочной дороге, как Элли из «Волшебника Изумрудного города», только дорога эта не из жёлтого кирпича, а из чёрной угольной пыли и мелких камней, отнесённых ногами дачников на обочины.

Дружить с Алиной было трудно. Она командовала, решала, во что играть, и, чуть что, сразу обижалась. Тогда На-

де приходилось отправляться в обратный путь. Пополдничаив клубникой с молоком, Надя бралась было помогать бабушке – рубить для кур траву или полоть луковую грядку, но это быстро надоедало, и она, наплевав на гордость, шла к Алине мириться.

Алина снисходительно принимала извинения Нади и велала играть под яблоню, где на покрывале были разложены вещи, какие даже представить себе не могла обычная советская девочка: блокнот на салатовой пружине; радужный пенал на молнии; карандаши, рисующие сразу пятью цветами; линейка с меняющимся изображением: то зебра, то гепард; чёрная сумка с крышкой-мышонком, которого, оказывается, зовут Микки-Маус, и об этом «у них» знает каждый дурак. Надя, конечно, хотела бы хоть что-то подобное иметь, но не слишком думала об этом. Надю завораживала, притягивала и гипнотизировала только одна игрушка – кукла Барби.

Барби!

Предмет обожания, запредельная мечта! Красивое личико, изящные руки, длинные ноги, которые кокетливо оставались сдвинутыми и чуть согнутыми в пластиковых коленях, когда куклу сажали. А какие у Барби были наряды! Воздушные платья, похожие на зефир, узкие брючки, разноцветные кофточки, сумочки, сапоги, даже туфли на каблуках! Всё это не шло ни в какое сравнение с топорными пупсами в трусах и пухлыми куклами в ситцевых сарафанах, сделанными в СССР.

Алина не давала Наде играть в Барби, разрешала только смотреть, как играет сама: переодевала, наряжая то на бал, то на прогулку, подолгу вертела ею у игрушечного зеркала, что-то рассказывая жеманным голосом, как если бы это говорила сама Барби, потом кукла шла по магазинам или пила в кафе чай из маленьких серебристых чашечек, встречалась с Кеном, они танцевали, ложились спать, а затем Алина укладывала Барби в пластиковую прозрачную коробку и убирала до следующей игры. Надя смотрела на куклу и мечтала о ней, мечтала так, что готова была на воровство: дожидаться, когда Алина выйдет в туалет, схватить Барби, спрятаться с ней под кустом смородины и поиграть хотя бы десять минут, а потом пусть придут и арестуют её. Но на это Надя так и не решилась.

Когда лето кончилось и Надя вернулась домой, она попросила маму купить куклу Барби.

– Где же я её тебе куплю? У нас не продают таких кукол.

После того лета Надя не виделась с Алиной. То ли Алина не приезжала из своей Германии в Новомосковск, то ли приезжала, но не совпадала с Надей, которая всё больше времени проводила в городе, со своими школьными друзьями.

Потом у Нади и всех остальных началась новая жизнь: старшие классы и перестройка, «Юпи» и ваучеры, приватизация и закрытие шахт, нищета родителей и поступление в институт в Москве. Воспоминания об Алине растаяли, как

след самолёта в небе. Осталась память о кукле Барби – её несбывшейся мечте.

* * *

После первого семестра Надя не поехала домой к родителям, осталась в Москве и устроилась на работу. Продавцом дублёнок в «Лужники». На рынок нужно было приходить к семи, надевать вместо своего пуховика дублёнку и ходить в ней вдоль ряда, выкрикивая нехитрое рекламное объявление. Надя стеснялась. Несмелым голосом взывала она к покупателям:

– Дублёнки, посмотрите, дублёнки. Очень хорошие. Отличное качество. Пожалуйста, можно примерить.

– Что ты как раненая? – говорил Мусса, хозяин точки, кривоногий и коренастый азербайджанец со включенной бородой и большими залысинами на покатым лбу.

На дублёнки никто внимания не обращал, её отпихивали, едва скользнув взглядом по раскрасневшемуся от мороза лицу. В час пик, часов в одиннадцать, на рынке начиналась давка и стоял такой гвалт, что Надино неуверенное «очень хорошие» терялось в разнородных, но туго сотканых между собой звуках.

На второй день Мусса прямо с утра сообщил Наде, что работает она последнюю смену. Надя расплакалась. Её первый раз в жизни увольняли. Весь день она ходила молча, не

могла, сколько ни пыталась, выжать из себя ни слова. Сын Муссы, пятнадцатилетний Алибек, весь день о чём-то спорил с отцом на азербайджанском. Юля, вторая продавщица, удивлялась:

– Смотри, какой наглый стал. Как с батьком говорит. Удивительно прямо.

Вечером Мусса, вручая Наде бумажку в сто тысяч – оплату за день, сказал:

– Завтра приходи. Даю тебе ещё шанс.

Юля, смешливая и лёгкая в отношении ко всему хохлушка, миловидная и темноглазая, чертила себе стрелки вокруг глаз, обводила губы красным карандашом, полностью выщипывала, а потом рисовала тонкие брови, как делали почему-то все женщины рынка. В сочетании с замёрзшим Юлиным лицом выглядело это комично. Зато Юля на рынке была своей. Она взяла над Надей шефство. У неё-то Надя и переняла интонацию и нужный – торговый – тембр, который заставлял людей оборачиваться и всматриваться в неё. Вскоре Надя уже без стеснения орала, чуть гнусавя и растягивая слова:

– Дублё-о-оночки, натуральные дублё-о-о-оночки! Недо-о-орого! Разные ра-а-азмерчики, модельки, цвета-а-а!

Была в этом слащавом речитативе какая-то магия, которая помогала Наде мимикрировать, становиться как все. Она уже не казалась себе нелепой и уверенно врала покупателям про европейское качество и большой ассортимент, а потом

вела в контейнер «примерить», где Алибек и Мусса закидывали растерянного человека «модными модельками» и «хорошими вариантами». Покупатели Наде верили, и продажи она подняла. По окончании седьмого дня работы Алибек вместе с зарплатой дал Наде премию – двести тысяч – и пошёл провожать её до метро.

Они шли молча. Надя, которая весь день была в новой приталенной дублёнке с меховой оторочкой на капюшоне («Як куколка», – говорила Юля), теперь стеснялась своего заношенного пуховика с тёмными, затёртыми рукавами. Алибек непроницаемо молчал, так как плохо говорил по-русски. Надя исподтишка за ним наблюдала, не понимая, зачем он с ней идёт. Юный, с нежной розовой кожей, с пушком первых усов и густыми, сросшимися, как у отца, бровями, он был красив, но по-своему, по-азербайджански. У станции «Спортивная» Алибек посмотрел на неё большими глазами в обрамлении густых ресниц и протянул целлофановый пакет. Надя заглянула. Внутри лежали шоколадные батончики «Марс», «Сникерс» и «Нате», каждого по две штуки.

– Чё же тут непонятного? Влюбился Алибечек в тебя, – говорила на следующий день Юля, пока они ели дымящиеся на морозе хот-доги и пили из пластиковых стаканчиков кофе «три в одном».

– Да ну, брось! – Надя, задохнувшись от какого-то непо-

нятного волнения, сделала большой глоток кофе, и ей обожгло горло.

– А шо брось-то? У него на лице написано.

– И что мне теперь делать?

– Радуйся! Це ангел-хранитель тебе. Или ты думаешь, у нас як на курорте?

Просыпаться в пять утра было мучительно. Надя чистила зубы, умывалась, одевалась и ела бутерброды, не открывая глаза. Её тело по-детски требовало сна, но сама Надя, приученная к слову «надо», умела эту слабость побеждать. Собираясь, она надевала всё самое тёплое: несколько кофт, шерстяные колготки, стёганные штаны, пуховик, шапку и обязательно шарф, которым можно будет замотаться до глаз, чтобы не отморозить щёки.

В семь утра рынок «Лужники» можно было даже назвать красивым. Белые ряды контейнеров тянулись в сумраке наступающего дня. Воздух был заполнен ещё не зловонием, а молочной дымкой инея, который искрился в свете непотушенных фонарей. Наде нравилось, что мало народу и видно, как уходит вдаль главная торговая аллея, как медленно и сонно копошатся, раскладывая товары, продавцы, как вышагивает каменный Ленин и смотрит на весь этот зарождающийся капитализм со своей недостижимой коммунистической высоты.

Надя доходила до своей палатки, где уже возился Алибек,

который, кажется, ночевал здесь же. Он развешивал дублёнки и шубы вдоль ряда на специальные металлические стойки с грубо приваренными перекладинами. Надя заходила внутрь контейнера, переодевалась в новую, самую ладную модель дублёнки и шла на улицу, прохаживалась вдоль ряда, притопывая и припрыгивая, чтобы не так отмораживались пальцы в плохоньких сапогах.

– Донду?¹ – смеялся Алибек.

– Замёрзла, – улыбалась Надя.

Тогда Алибек приносил свой термос и наливал им обоим крепкий чай: ей – в крышку, себе – в грязную металлическую кружку Муссы. Они пили, сидя на табуретках и стесняясь посмотреть друг другу в лицо. Алибек нарезал раскладным ножичком батончик «Нате» на кусочки.

– Фындык², – говорил он.

– Я «Баунти» люблю. Райское наслаждение, – пожимала плечами Надя.

Мусса притаскивал куртки-пилоты с другой точки, начал командовать, ругаться: по-русски на Надю, по-азербайджански на Алибека. Прибегала вечно опаздывающая Юля. Наваждение утра рассеивалось, и начинался обычный суматошный день.

Побирающихся цыган Надя заметила с первого дня. Они

---

¹ Замёрзла? (азерб.)

² Фундук (азерб.).

проходили вдоль ряда раза четыре-пять за день. Шли рассеянным в толпе, растянутым косяком. Впереди обычно катил на деревянной самодельной тележке старый безногий цыган. В руках он держал специальные деревянные бруски, которыми отталкивался от асфальта. Грязный, оборванный, легко одетый, он вызывал у Нади жалостливый спазм в груди. Однажды она даже бросила в его коробку, зажатую между обрубками ног, небольшого номинала купюру. Цыган остановился, нагло посмотрел на неё и беззубо оскалился. У Нади побежала изморозь по рукам.

Юля, проходя мимо неё, подавилась от смеха песочным коржиком.

– Это тебе у него надо милостыню просить.

За безногим цыганом, мелькая в толпе, шли дети – десятков, а может, два, сосчитать было трудно. Они быстро проскакивали, как рыбки-гуппи, между людьми. Дальше шли цыганские женщины: ярко одетые, в юбках с воланами, в расписных шерстяных платках. Они несли на руках младенцев, завёрнутых в пуховые шали. Иногда цыганки приставали к людям, попрошайничали или предлагали погадать, но чаще просто молча шли. Надя думала, что, наверное, эта торговая аллея не основное место их работы, поэтому они не усердствуют. Но зачем они ходят, словно заведённые, по одному кругу и всегда почему-то в одном направлении: от центра к краю? Замыкала цыганскую кавалькаду мамка – полная и укутанная в несколько платков старуха с огромной клетча-

той сумкой, как у челноков. Она не была так уж сильно похожа на цыганку: ни цветных воланов, ни длинных серёжек или ярких бус, — она больше походила на пожилую смуглую женщину-оптовика.

Надя прохаживалась вдоль ряда, больно притопывая (отмерзал на левой ноге большой палец) и зазывая покупателей, когда заметила мужчину в хорошей шапке. Он был выше всех и лицо имел хоть и одутловатое, но немного не здешнее, благородное, хорошо выбритое. Такие лица бывают у потомственных военных. Безногий цыган на своей тележке юркнул к военному и вытащил из его кармана кошелёк. Живо передав его в руки мальчишки, безногий свернул в боковой проход. Нечаянно Надя увидела всю цепочку, по которой стремительно перекинули украденный кошелёк: два пацана, девочка, женщина и старуха, которая спрятала его в свой баул и сразу же пошла в противоположную сторону.

— Украли! Бумажник украли! — Лицо мужчины вытянулось, приоткрылся рот. Он растерянно озирался. — Товарищи! Вы не видели? Вот только что! Весь оклад, товарищи!

— Какие тебе товарищи? — сострила торгашка с соседней точки, полная неопрятная баба, которая продавала джинсы. — Тут у нас одни господа.

— Милиция! Милиция! — кричал мужчина.

Надя увидела его в последний раз: обвисшие щёки его дрожали. И тут же вокруг него сгрудились люди и скрыли его от Надиных глаз. Несколько цыганят мелькнули в толпе, ми-

мо Нади прошествовали милиционеры. Надя дёрнулась было за ними, но Юля ухватила её за рукав:

– Ты куды?

– Я видела всё. Я – свидетель.

Юля посмотрела на неё внимательно, и Надя удивилась, какими жёсткими вдруг стали черты её лица.

– Хошь – иди. Только сымай дублёнку. Меня Мусса убьёт, если я тебя в его дублёнке отпущу.

– Мы же можем помочь, – растерянно сказала Надя и даже дёрнулась идти в сторону толпы. Но Юля не отпускала рукав.

– Не помогут мусора этому херу моржовому. Цыгане им отстёгивают.

– Да ладно!

– Прохладно. Стуканёшь на них – за палаткой прирежут. Так шо молчи в тряпочку. Зрозумила?

Надя молчала до конца дня, даже не выкрикивала своё «дублёночки» – не получалось. Вечером она шла домой обессиленная. Алибек шёл рядом и, как всегда, молчал. Перед входом в метро он протянул ей пакет. В нём лежало пять шоколадок «Баунти».

– Алибек, я не могу столько сладкого есть. Не надо мне их больше дарить, – Надя спрятала за спину руки.

Густые брови Алибека печально изогнулись, уголки рта поползли вниз. И зачем она это сказала? Что, в общаге некому было шоколадки отдать? Соседки умерли бы от счастья, увидев столько «Баунти». «Прости, Алибек», – хотела ска-

зять Надя, но он уже шёл в сторону рынка.

На следующий день Надя не вышла на работу. Не смогла. Неподъёмная усталость навалилась на неё. Пытаясь утром разлепить веки, она поняла вдруг, что каменным стало всё тело, что ноги и руки больше не слушаются её, что она лучше умрёт, чем пойдёт на работу. «Семь дней без отдыха, – подумала она. – Возьму выходной».

Но днём её несколько раз настигали угрызения совести за то, что она не вышла без предупреждения. Надя просто лежала весь день, дважды поднимаясь, чтобы сварить пельменей. Мысль о том, что она подводит Юлю и Муссу, мешала расслабиться до конца, и она несколько раз собиралась встать, одеться, поехать. Но тело не слушалось. Оно взбунтовалось. У Нади, кажется, даже температура поднялась, но не было градусника, чтобы померить.

Надя вышла на работу на следующий день, и всё было в порядке. Никто её не ругал. Юля и Алибек будто и не заметили её вчерашнего отсутствия. А Мусса только попросил в следующий раз предупреждать. И всё потекло дальше, день за днём, дублёнка за дублёнкой. Только Алибек больше не ходил её провожать и не дарил шоколадок, хмуро смотрел издали. Надя чувствовала его взгляд, оборачивалась, и он сразу же делал вид, будто ему нет до неё дела.

Надя уставала смертельно и не замечала уже зимней сказ-

ки по утрам. Но она свыкалась с рынком. Она чувствовала себя роботом: просыпалась, ехала на работу, с работы, спала. На эмоции сил не хватало. Так было даже легче. Не особо трогали беззакония, которые она замечала на рынке. Воры, мошенники, разводили.

Прямо напротив палатки открылся «лохотрон» – «беспроигрышная» лотерея, где играли подставные, разводя доверчивых простаков. Это был заезд компьютерных лошадей. Две лошади выигрывали, и нужно было делать ставки, продолжая игру за всё возрастающий приз. Как можно было попадаться на такое? Однако люди велись, сами отдавали мошенникам все деньги, а потом, уже поняв, что их обманули, стонали, звали милицию, лезли в драку или падали на землю и бились головой об асфальт, до крови ранив лицо. Лохотронщики отпихивали проигравшего, потерявшего всякое достоинство человека, а если попадался из буйных, быстро утихомиривали его за палаткой. Когда появлялась милиция, мошенники незаметно растворялись в толпе. Пострадавшего куда-то уводили. Но милиция вряд ли помогала жертвам. Надя видела, как радушно каждое утро здоровались лохотронщики и милицейский патруль.

Одна покупательница, полная женщина лет пятидесяти, которая искала внучке дублёнку, уже собиралась пойти в контейнер посмотреть все модели и цвета, когда ей вручили билетик беспроигрышной лотереи.

– Ой, пойду сыграю, – обрадовалась женщина. – И сразу

вернусь.

– Вы не вернётесь, – понизив голос, сказала Надя.

– Почему же это?

– У вас денег не будет. Это развод.

Рядом мелькнуло смуглое лицо: острый нос, нарисованные брови. Одна из лохотронщиц. Верхняя губа её задралась, и рот оскалился, как у лисы. Наде даже померещилось, что девка зарычала. Покупательница, ничего не понимая, приветливо улыбнулась лохотронщице и послушно засеменила за Надей сквозь толпу.

Когда женщина ушла, так ничего и не купив, самый рослый из лохотронщиков, мужик с нездоровой кожей и рыжей недельной щетиной на лице, подошёл, поднял Надю за шиворот дублёнки и поволок за палатку. Надя от неожиданности не издала ни звука, она как-то оцепенела в его руках. У помойки за торговым рядом он приблизил к ней своё лицо и, обдавая перегаром, сказал:

– Ты чё, шавка, делаешь?

Надя смотрела в разъярённое лицо лохотронщика, в красные, налитые розы прыщей – и ощущала жар его ярости. Он мог её ударить, мог швырнуть на бордюр, мог тряхнуть так, что голова до хруста мотнулась бы на тонкой шее. И никто не помешал бы ему. Он – хищник, она – жертва. Ей остаётся только обречённо ждать, пока он решит, что с ней делать.

Юля тем временем сбегала за Муссой, который тут же примчался вместе с Алибеком.

– Порвёшь – будешь за дублёнку платить! – пригрозил Мусса рослому мужику. – Отпусти мой продавщица и пошли как мущины говорить.

Лохотронщик окинул Муссу взглядом. Тот был вдвое ниже, пузатый, в нелепой кепке. Но Мусса уверенно стоял, широко расставив свои кривые ноги, будто чувствовал силу за собой. Это подействовало. Лохотронщик отпустил Надю, и они отошли от палатки в сторону, туда, где между торговыми рядами открывался изнаночный, только для работников рынка, проход.

– Надь, ну вот шо ты лезешь до тех скотов? Я сама их ненавижу, а шо делать.

Надя зарыдала. Её трясло.

– Нянчусь с тобой, як с маленькой, – Юлия обняла Надю, прижала к себе и стала укачивать, как ребёнка. – Всё, спокойся, а то по морде дам.

Проходя после разговора мимо Нади, лохотронщик презрительно плюнул ей под ноги. Надя не смогла на него даже посмотреть.

– Я тебе так скажу, – отчитывал их Мусса, когда вечером Надя с Юлей ждали свою зарплату, – этот говнюк дал отбой, потому что они не правы, хотели нашего покупателя обуть. Если бы не это, я бы тебя не спас. Понял меня? – Мусса строго посмотрел на Надю. Она кивнула. – Договоримся так: мы не трогаем их клиентов, они не трогают наших.

– Мусса, а ты шо, нам денег не дашь? – испуганно спросила Юля.

– Тебе дам. А вот этой, – он кивнул на Надю, – сегодня нет денег. Чтобы запомнила.

Надя почувствовала, как задрожал подбородок и в глазах стало расплываться. Не хотелось плакать перед Муссой, но слеза уже катилась по щеке. Надя отёрла её.

– Ладно, давай только без этого!

Но Надя уже не могла остановиться, слёзы полились ручьём.

– Ну началось! – Мусса махнул на неё рукой и вышел. Юля выскочила за ним.

В дальнем углу контейнера молча смотрел на Надю Алибек. Надя заметила его, засобиравлась. Алибек бросил палку, которой снимал дублёрки с высокой перекладки, подошёл к Наде, вынул из кармана купюру и протянул ей.

– Зачем? – спросила Надя.

– Твой.

Надя взяла. Улыбнулась Алибеку.

– Фуф! – в контейнер ввалилась Юля, держась рукой за бок. – Денег не даёт. Но ты можешь сегодня в этой дублёрке до дому пойти. И завтра выходной взять.

Алибек снова провожал Надю к метро. На Наде была дублёрка: приталенная, бежевого цвета, длина – две трети бедра, на капюшоне и рукавах – меховая оторочка. Та самая, в которой Надя была как куколка. Она и сама чувствовала

себя красивой. Алибек, осмелев, взял её за руку, и Надя не отняла руки.

– Я тебя старше, – только сказала она.

Он пожал плечами и всю дорогу бросал на неё такие взгляды, от которых Наде становилось неловко.

Потом она забылась и стала думать, что завтра начинается семестр. Она пойдёт в институт в новой дублёрке, подружки будут завидовать ей. Потом можно будет сидеть в тёплой аудитории, слушать лекции, а не мёрзнуть весь день на «Луже». Как это хорошо! И как не хочется больше работать на рынке. Но надо. Ещё хотя бы неделю. И тогда Надя накопит себе на юбку и на сапоги.

Соседки по комнате ещё спали, а Надя уже встала, зажгла ночник и пошла в ванную. Пока чистила зубы, рассматривала в зеркале лицо. От мороза шелушились щёки, кожа задубела, огрубели черты. Три недели, а будто целая жизнь прошла! Наде казалось, что она состарилась и подурнела. Не хотелось никуда идти. Но сходить было надо, хотя бы затем, чтобы вернуть дублёрку. Наде она так понравилась: красивая, и в ней совсем не холодно, ноги только мёрзнут, но она скоро купит сапоги. Вот бы оставить себе дублёрку!

«А ведь я могу не прийти, – подумала, одеваясь, Надя. – Они же не знают, где я живу. Да и искать не будут. Что Муссе эта дублёрка, если у него пять точек с такими? Он даже не заметит. Только вот Юля. И Алибек».

Надя представила, что будет с Юлей. Это она уговорила Муссу, значит, её он заставит платить. А Алибек? Он ведь, наверное, Надю любит. Разве можно обманывать чью-то любовь?

Она застегнула пуговицы дублёнки, опять посмотрела на себя в зеркало. В створке шкафа отражалась миловидная девушка, невысокая, с простоватыми чертами лица, в светлой бежевой дублёнке и с огрубевшими, покрасневшими кистями рук.

«Куколка», – с горечью подумала про себя Надя и втянула руки в рукава.

День на рынке проходил спокойно. Мусса после обеда уехал, с ними остался один Алибек, и никто не дёргал, не давал нелепых приказаний. Надя и Юля ели беляши, когда подошли два милиционера, один – молодой и пухлый, похожий на бывшего Надиного одноклассника, которого всегда чмырили, второй – в годах, худой, усатый и обветренный. Одетые в серые куртки с нашивками, в шапки из искусственного меха, на поясе у каждого – дубинка и кобура. У них были такие красные носы и уши, что Надя невольно хихикнула, глядя на них.

- Чего смеёшься? Или регистрация есть? – спросил усатый.
- Есть, – спокойно сказала Надя. – Я в институте учусь.
- В институте? Что же не на лекциях?
- Подрабатываю.

– Родители не помогают, что ль? Я вот своих дармоедов кормлю, пока университеты кончают.

– Документики, дамочка! – обратился молодой к Юле.

Надя посмотрела на Юлю. Та страшно побледнела и выронила беляш.

– Я сейчас принесу, они в сумке, – с готовностью отозвалась Надя.

Надя легко перепрыгнула низкий заборчик, побежала за палатку, внутрь контейнера. Подхватывая свою сумку, она сказала глядевшему на неё Алибеку:

– Там милиция. Проверяют документы.

Алибек молчал.

– Ты не знаешь, где Юлькин паспорт?

– Нет.

Молодой держал Юлю под локоть, и она стояла неловко скособочившись, будто вот-вот упадёт. Надя протянула усатому свой паспорт. Он раскрыл и стал перелистывать страницы. Наде вдруг стало страшно, что паспорт он не вернёт.

– Значит, из Тульской области?

– Да. Шахтёрский городок.

– А регистрация где?

– Да вот же она, в обложке.

Надя вытащила и подала сложенный вчетверо листок. Милиционер развернул, с минуту всматривался и вдруг сунул паспорт под мышку, а регистрацию точно посередине разорвал, сложил и ещё раз разорвал. Он складывал и рвал, пока

не остались маленькие кусочки, которые он подбросил над Надиной головой, и они осыпались на неё, как крупные хлопья снега. Надя остолбенела.

– Поддельная твоя регистрация, – миролюбиво ответил он на немой Надин вопрос.

– Она была настоящая!

– В отделении разберёмся. – Он снова открыл паспорт. – Козлова Надежда Сергеевна. Пройдёмте! – И спрятал документ в карман.

Надя проводила взглядом исчезнувший паспорт.

– Это несправедливо! Регистрация настоящая была! – повторила Надя, повышая тон. – Мне её в институте делали! Верните паспорт! Я с вами не пойду! – закричала она.

– Будешь орать, – усатый приблизил к Наде своё лицо, – в участке тебя пустим по кругу.

– Что значит «по кругу»?

– Вот и узнаешь, шваль.

Молодой милиционер подтолкнул Надю дубинкой в спину. Их с Юлей повели. Странно было идти по знакомому ряду под конвоем. Продавцы будто не замечали, торговали каждый своим: кроссовками, джинсами, нижним бельём. У лохотрона, как всегда, толпились люди: шёл очередной заезд. Катилась тележка с хот-догами вдоль рядов. Толкались покупатели. Никто не обращал внимания. Да и что такого? Милиция ведёт в участок гражданок без регистрации. Ситуация привычная для всех.

– Юль, а что теперь будет?

– Наверное, Мусса крыше не заплатил. Не знаю. Заберут, будут выкуп просить. Мусса за дублёнки заплатит, а за нас самим треба.

– Сколько?

– Дублёнки – тыщ по пятьсот. Мы – за сотню, можа, больше. Или ночку посидеть. Им для галочки оформить, шо они с нелегалами борьбу ведут. А можа, пофестивалить хотят. – Юлино лицо было мрачным, при взгляде на неё у Нади сжалось горло.

– Они, падлы безнаказанные, хуже цыганей, – прошептала Юля так, чтобы только Надя слышала. – Ненавижу их!

– Стой! Стой! – их догонял Алибек.

– Пойду с азером малолетним поговорю, – сказал усатый. – Стереги потаскушек.

Алибек и усатый разговаривали недолго. Подошли.

– Эту отпускаем, – усатый протянул Наде паспорт, – азербон за неё заплатил. А ты, – он указал дубинкой на Юлю, – дублёнку снимай.

Юля посмотрела напряжённо на Надю, на Алибека. Стала расстёгивать пуговицы. Алибек виновато протянул её розовый пуховик.

– Я же говорила – ангел-хранитель. Мне, вишь, меньше свезло. – Юля всунула руки в рукава, застегнула молнию и, уходя, ещё раз взглянула на Надю. По спине Нади побежали мурашки.

Алибек уже торопливо шёл к контейнеру, в котором он даже двери толком не закрыл. Надя догнала его.

– Почему ты не выкупил её? – крикнула она и так дёрнула его за руку, что он невольно остановился и развернулся к ней. – Почему?

– Нельзя обе.

– Почему?

Алибек пожал плечами и снова ринулся сквозь толпу к торговой точке. Прямо у прилавка стояли двое парней в спортивных костюмах и расстёгнутых нараспашку куртках-пилотах. На бычьих шеях поблёскивали кресты. Какое-то новое, звериное чутьё заставило Надю остановиться и сделать пару шагов назад. Алибек, не замечая их, двинулся между контейнерами. Один из парней схватил его за плечо. Второй встал за спиной Алибека.

Надя не слышала, что говорили они Алибеку. Рынок шумел. Человеческие голоса сливались и теряли всякую человечность, превращаясь в равнодушный металлический шелест, в гул крови в ушах, в испуганные удары сердца. Зато Надя видела всё. И никто, кроме неё, не заметил, как один из накачанных парней достал из кармана штырь и, обнимая Алибека за шею, воткнул этот штырь ему в живот.

Убийцы в спортивных костюмах растворились в толпе, а Алибек стоял, опираясь о стену, держался руками за живот. Он увидел Надю и будто уцепился за неё взглядом. Глядя ей в глаза, он медленно сползал по ребристому металлу контей-

нера. Мимо Нади промелькнула фигура, другая, третья. Человеческий поток разъединил их. Надя ещё отступила и закричала. Но звука не было. Она открывала и закрывала рот – и отступала, пятилась, пока не задела чей-то прилавок.

– Куда ломишься! – продавщица пихнула её в спину.

Надя шарахнулась и побежала сквозь толпу, расталкивая людей и судорожно прижимая к себе сумку. Она бежала до метро. Потом – в переходе, на эскалаторе, на улице – до общежития. И только в своей комнате заметила, что в чужой дублёнке, а свой пуховик оставила в контейнере на крючке. И тут же поняла, что никогда не вернётся на этот рынок.

* * *

На пятый после ужасающего события день Надя, которая боялась выходить из комнаты, поняла, что выйти надо. От спёртого воздуха подкатывала тошнота. Одиночество и бездействие давили. Тянуло увидеть небо, вдохнуть свежего холодного воздуха. Стопкой в коробке лежали заработанные на рынке деньги, от которых хотелось поскорее избавиться. И Надя вспомнила о неосуществлённой мечте.

Центральный «Детский мир» ошеломил Надю. Всё здесь сияло, мигало и пиликало. Под высоким потолком копошились людские толпы. Человеческая незначительность ощущалась здесь ещё сильнее, чем в «Лужниках», на рынке. Пока Надя бродила по запутанным коридорам между прилав-

ками, увешанными лампами и новогодней мишурой, она думала, что рынок честней – там как-то проще. А здесь тот же рынок, только приукрашенный гирляндами, фигурками ле-го, игрушками в человеческий рост и золотистой пластиковой каруселью. Надю тяготила суэта людей, обилие лампочек, неразбериха звуков, – всё это будто специально не давало сосредоточиться, разбирало на части, мешало ощутить себя. Хотелось сбежать. Но у неё была цель.

Надя заработала около миллиона. Что-то она отложила на жизнь, что-то уже потратила. Оставалось семьсот. Она могла бы купить себе сапоги, но мысль о рынке, куда придётся для этого поехать, вызывала спазм в горле и тошноту. И ещё ей казалось, что она заслужила нечто по-настоящему стоящее – подарок.

Куклы Барби продавались на втором этаже, целая полка блестящих коробок: Барби-принцесса, Барби-наездница, Барби – рок-звезда. Надя выбрала Барби-принцессу в розовом пышном платье, с волнистыми локонами, разложенными внутри коробки. Примерно такая была когда-то у Алины. Расплатившись на кассе, Надя на долю секунды пожалела о потраченных деньгах, но тут же стряхнула сожаления, как морок. Жизнь, как выяснилось, может быть очень короткой, и нельзя отказываться от детской мечты.

Надя принесла куклу домой, вытащила её из коробки и раздела. Это была точно такая же Барби, как десять лет на-

зад: с узкой талией, длинными ногами, которые кукла оставляла сдвинутыми и чуть согнутыми в коленях, когда Надя усаживала её на край стола. У куклы во все стороны вертелась голова и под пластиковой кожей невидимо сгибались локти. Она была совершенством. Только Надя уже не знала, как в неё играть. Не говорить же за неё писклявым голосом, предлагая воображаемому Кену ехать на бал.

Надя смотрела на голую куклу и плакала. Было жаль себя. Надо было сделать что-то с этой куклой, как-то в неё поиграть. Надя утёрла слезы, открыла свой гардероб и достала чёрную гипюровую блузку, которую ни разу не надела в Москве. Она обернула Барби в ткань, представляя, какое могло бы получиться платье, а потом взяла ножницы и отрезала от блузки рукав.

Когда платье, чёрное, обтягивающее, с воланом на подоле, было готово, Надя сделала кукле шляпку и сумочку-клатч, нарядила и поставила на верхнюю полку, откуда не снимала до тех пор, пока не переехала из общаги на съёмную квартиру.

Но и на съёмных квартирах, которые Надя меняла примерно раз в год, в Барби никто не играл. Пока не родилась у Нади дочь. Едва научившись ходить, она подошла к шкафу и, показывая на Барби, требовательно сказала «кука», а получив её, сразу же оторвала ей голову.

Надя кое-как насадила резиновую голову на пластиковый черенок шеи и опять поставила Барби на верхнюю полку.

Открытый космос

Рассказ

Бежишь и смотришь на свои коленки, на загорелые пальцы ног, торчащие на сантиметр из сандалий, на мелькание травы, камешков, на трещины в асфальте, срывающиеся с

одуванчиков парашютики, летящие вверх.

– Настёна, Настя!

Настёна любила бегать. Это весело, когда всё летит и упругий воздух податливо расступается навстречу. Жёлтое пятно от сломанной песочницы, вывернутые качели, ржавая, изогнувшаяся кобылицей горка.

– Настёна! Настя!

На полинявшей пятиэтажке их балкон был единственный незастеклённый – просто покрашенный в синий цвет, с провисшими верёвками для белья. Мать стояла и махала рукой.

– Ма, ты откуда? – крикнула Настёна, задрав голову.

– Зайди домой!

– Иду!

Привычные надписи на стенах, кошачий запах и пыльный подъездный холодок. Она взбежала на третий этаж и толкнула дверь.

– Мам, а ты чего так рано?

– Билет поменяла и приехала. Не рада?

– Рада, почему. Боюсь только, ты меня сейчас припащешь.

– Настя, что за выражения? «Припащешь»! Это Танька твоя может так говорить, а ты из интеллигентной семьи. Обедать будешь?

– Смотря что.

– Макароны по-флотски. Сварганила на скорую руку.

– «Сварганила»! Мама, что за выражения?

– Стараюсь быть на одной волне. Пошли. Я икру привезла.

– Баклажанную?

– Красную, как ты любишь.

Настёна села за стол и осмотрелась. Раковина, где почти неделю лежала грязная посуда, была пустая и чистая. Вернулась мама – и на кухне опять стало уютно.

– Как вы тут без меня, не скучали?

– Некогда было. Отец с утра на дом уходил. Или там ночевал. Я с Танькой на карьере каждый день купаюсь.

– Ясно. Морковку не прополола?

– Прополола, почему. Я ж люблю полоть.

– Знаю, – мама погладила её по голове. – Что на лето задали, читаешь?

– Блин, мам, я ещё в прошлом году прочла.

– Ты моя умница! Горжусь тобой.

– Издеваешься?

– Ни в коем случае. Восхищаюсь.

– Ну ладно, говори, что делать надо.

– Отцу поесть отнесёшь? Голодный, наверное, сидит. Заодно скажи, что я раньше приехала.

– А что мне за это будет?

– Давай уже, иди. Испеку что-нибудь к вашему возвращению. Чего бы ты хотела?

– Торт-суфле из крем-брюле.

– Губа не треснет? «Зебру» испеку.

Настёна тащила вниз по лестнице велосипед «Салют»

с привязанным к багажнику эмалированным контейнером, в который мать положила макароны с мясом и кетчупом. Солёный огурец и три куска хлеба завернула отдельно и сунула Настёне в сумку. Отец даже макароны ел с хлебом.

Выйдя из подъезда, Настёна опять остро ощутила лето. Запрыгнула на велик и понеслась, чувствуя лицом ветер, вдыхая запах истомлённых на солнце трав. Тёплая, разогретая даль расступалась, разворачивалась полями, холмами, уходила в горизонт, в салатovou дымку, в высокий небесный свод. Вдали торчала полуразрушенная колокольня, нестерпимо поблёскивали на солнце перламутровые купола. Кроны далёких деревьев были похожи на брокколи, которую мама выращивала на грядках, хотя её никто не ел.

Через несколько минут красота перестала занимать Настёну. Она задумалась о школе. До начала занятий было далеко, однако мысли о них уже заставляли тосковать по лету. Оно же когда-нибудь кончится, и уедет новый сосед, который здесь на каникулах. Димка. Такой классный! На гитаре умеет играть. Увлекается космонавтикой. Рассказывал во дворе, как самому сделать ракету: фюзеляж из бумаги, целлюлозная стружка и сердечник от лампочки. Танька ей вчера гадала на картах, выпало: «Будете целоваться, но он не любит тебя». У Настёны даже слёзы навернулись. Не любит. Но будете целоваться. Она ещё не целовалась ни с кем. Вот бы поцеловаться с Димкой! От мыслей об этом приятно заныло в груди, словно там стоял радиопередатчик и рассылал в

пространство волны любви.

«Интересно, – подумала Настёна, – действительно ли есть любовь? Или её придумали как романтическое оправдание, чтобы без стыда думать про секс?» Настёна уже знала про секс. О нём все её друзья говорили. Она иногда рассматривала себя голую в зеркале, представляя, как бы это происходило с ней. Тело казалось неказистым: сутулая спина, грудь торчит острыми холмиками, ноги в икрах не сходятся. Танька говорила, что в икрах обязательно соприкасаться должны, иначе кривые.

Наверное, нет никакой любви, думала Настёна. Димку, например, она любит – или это только воображение? Или мама. Всегда такая усталая. Или отец. Маму как будто совсем не любит, обнимает редко, не говорит нежных слов.

Ей опять захотелось заплакать. Она бы и расплакалась, если бы не увидела на тротуаре Таньку.

– Эй! Ты куда? – крикнула Настёна.

– За хлебом. А ты?

– Папе обед везу. Поехали со мной? На обратном пути за хлебом заедем.

– Ладно.

– Садись на багажник.

– Увезёшь?

– Ты, конечно, растолстела за лето.

– Дура! Это гормоны.

– Да шучу я, шучу.

Велосипед медленно набирал скорость. Везти Таньку оказалось сложно. «А как бы ты раненого друга на себе несла?» – думала Настёна и изо всех сил давила на педали. Два раза руль вильнул, девчонки завизжали, едва не врезались в камень, съехали на грунтовку и дальше с горки легко понеслись, шурша колёсами велосипеда о гравий. Ряд гаражей, болото с зелёной водой, утки, торчащая из ряски кабина трактора.

– Тэ-сорок, – Танька показала на кабину.

– Что?

– Я говорю: трактор Т-40. Отец работает на таком! – крикнула Танька.

– Понятно.

С разгона они добрались до середины крутого подъёма, дальше стало медленно и тяжело.

– Слезай. Не увезу.

Танька слезла, и они пошли рядом. Настёна, запыхавшись, несколько минут молчала. Танька тоже молчала и смотрела по сторонам.

– Как дела? – отдышавшись, спросила Настёна.

– Нормально. Мать запила.

– Опять? Почему она пьёт?

– Кто ж её знает? Хочется – вот и пьёт. Ей на всех плевать.

– Блин, жаль тебя.

– Ой, да ладно. А то я сама не справлюсь? Выросла уже.

Танька действительно выросла. Грудь второго размера, лифчики настоящие. Это казалось Настёне удивительным, и она слегка перед подругой робела.

– Прочла «Айвенго»?

– Это чё?

– На лето задали.

– Не-а.

– А Грина «Алые паруса»?

– Даже не бралась. О чём там хоть?

– Про Ассоль.

– Фасоль? Про Золушку, что ли?

– При чём тут Золушка?

– Ну помнишь, мачеха заставляла перебирать рис и фасоль. Или гречку. Не помню. Моя мать меня гречку заставляет перебирать.

– Нет, Ассоль – это про другое. Про девушку, которая принца ждала.

– Я и говорю, про Золушку.

– Да, похоже, но по-другому. Она была фантазёрка. Город её не любил, потому что она странная, не такая, как все. И её отец...

– Пил?

– Почему «пил»?

– Не знаю, все отцы пьют.

– Мой не пьёт. Иногда только выпивает.

– А мой не просыхает. Но самое страшное – когда мать

бухать начинает. Я к бабке тогда ухожу в бараки. Ну ты знаешь.

Настёне стало неприятно. Она ревновала Таньку к баракам. В районе, который называли «бараки», у Тани была другая жизнь: с блатными пацанами, с сигаретами и пивом, с поцелуями взасос под железнодорожным мостом. Подруга не брала Настёну в ту жизнь. «Это не для тебя: ты из интеллигентных. Тебе не понравится», – посмеивалась она. Настёна обижалась и решала больше с Танькой не дружить. Однако дружить было не с кем, и они мирились.

Ей хотелось ещё поговорить про Ассоль, про любовь, благородство, которое, если верить Грину, всё же встречалось в людях. Но Танька бы её не поняла. Настёна молчала и думала, что она – та самая Ассоль, которую сверстники считают дурочкой только из-за того, что она любит читать.

Когда шли по Загородной улице, залаяла из-под забора собака. Она высовывала острую морду, скалила розовую пасть и показывала мелкие острые зубы.

– Такая маленькая – и такая злая, – удивилась Настёна.

– Фу! – крикнула Танька. – Тупая шавка.

Собака послушалась её, спрятала морду.

Подошли к участку, обнесённому горбылём. Мама не любила высоких заборов и мечтала, чтобы их дом окружала живая изгородь из кустарника, который она подстригала бы в

форме шаров и ромбов. Но с неогороженного участка воровали кирпич и мешки с цементом, однажды пытались бетономешалку утащить, проволокли два метра и бросили – тяжёлая оказалась. Другая беда – козы: они забредали и съедали с грядок петрушку, капусту и салат. Пришлось отцу сделать этот уродливый горбыльный забор.

Просунув руку между досок, Настёна повернула щеколду.

– Может, я здесь подожду? – спросила Танька.

– Да ладно, пошли. Дом покажу. Потом клубнику поищем. Может, ещё осталась.

Она вкатила велик, бросила его на траву и дёрнула входную дверь. Закрыто.

– Надо с другого входа. Здесь отец иногда закрывает, когда в подвале работает. Чтобы чужие не вошли.

Они обогнули дом, облицованный светлым кирпичом, с грязноватыми, но уже застеклёнными окнами на первом этаже. Настёна не любила дом: родители тратили на строительство все деньги, а ей хотелось иметь модную юбку, лосины перламутровые и куртку джинсовую, как у всех.

А вот огород, густо заросший сорняком, притягивал её. Тонкие молодые яблоньки, на которых висели мелкие ещё «залепушки»; аккуратно увязанные кусты малины с созревающими ягодами; большая неопрятная грядка клубники, листья которой местами пожухли, но ещё можно было что-то найти. Она любила поживиться прямо с грядок, чтобы хрустела на зубах земля, чтобы ягоды были в лёгкой пуховой

дымке, как бывает, когда только сорвёшь. «Потом, – стойко решила про себя Настёна. – Сначала обед отцу».

Другая дверь тоже оказалась заперта. Настёна дёргала и стучала.

– Нет никого. Пойдём, – сказала Танька.

– Да куда он мог деться-то?

– Может, уснул?

– Надо в окно заглянуть.

Взявшись с разных концов, они подтащили к окну лавку, заляпанную застывшим цементом. Высоты не хватало.

– Давай кирпичи класть, – решила Настёна.

– Ну ты придумала!

Они таскали кирпичи и складывали в два ряда.

– На хрен я с тобой пошла? – бубнила Танька. – Могла бы дома тяжести потаскать.

Настёна её не слушала. Увлеклась. Ей почему-то показалось, что они сооружают космический корабль, который выведет их на околоземную орбиту. Первая ступень – стартовая, вторая – разгонная, третья – маршевая. Она смотрела вчера передачу про космос. Вот сейчас они построят свою ракету, и она понесёт их в неизведанное космическое пространство.

Она влезла, придерживаясь за стену и осторожно покачиваясь, будто и правда была в невесомости, ухватила пальцами за жестяной подоконник, подтянулась к окну, почти цепляясь за отлив подбородком, – и из темноты космическо-

го пространства выплыли две большие белые планеты, испуганно качнулись и отпрянули, исчезая в сумраке. Перед тем как свалиться, она увидела над белыми шарами оторопелое женское лицо.

Кирпичи посыпались из-под ног, и Настёна грохнулась, ударившись щиколоткой о лавку. Она отбила о землю себе весь бок, но боли не чувствовала, только задохнулась на секунду от какого-то понимания. Она лежала и не двигалась.

– Эй, ты чё там? Убилась, что ль?

Настёна молчала. Гудение заполнило голову и давило на уши.

– Баба у твоего отца. Пошли отсюда. Не откроют нам.

Настёна лежала и вглядывалась в траву, по травинке ползла божья коровка. Захотелось сжать её пальцами, чтобы хрустнул панцирь. Но Настёна встала и взяла в руку ближайший кирпич.

– Разобью на хрен, – пригрозила она глухим голосом и отошла на два шага, замахиваясь, чтобы кинуть в окно.

Выглянул отец. Настёна замерла с поднятым кирпичом и не знала, что делать. Она смотрела на отца. Он был другой, не её родной и близкий, а какой-то чужой мужик, некрасивый, с мятым, испуганным лицом, с неприятными складками вокруг рта, растрёпанными короткими волосами. Но главное – выражение. Он смотрел на неё как на досадное насекомое, которое хочется раздавить. В его лице не было ни капли любви.

Мысль о том, что отец её не любит, больно резанула Настёну. Выступили слёзы на глазах. Лицо отца исчезло из окна, загремел отпираемый засов.

– Вы чего здесь? – спросил он, недовольно выглядывая из сумрака дома.

– Обед тебе привезли, – холодно сказала Настёна. – Макароны по-флотски. С огурчиком. Держи!

Она кинула в него контейнером, закутанным в полиэтиленовый пакет. Контейнер гулко ударился о стену, пакет открылся, макароны рассыпались по земле.

– Идите домой, – сказал отец.

– Мама приехала! – вся трясась, крикнула Настёна. – Что ей сказать – что не придёшь? Что у тебя баба?

Отец растерялся. Лицо его расплзлось, как бесформенная половая тряпка.

«И как его можно любить? – зло подумала Настёна. – Он же урод!»

– Настька, это не то. Ты не понимаешь. Ты ещё маленькая.

В голосе его была мольба и какая-то безнадежная усталость.

– А ты объясни!

– Я люблю вас с мамой. А это – другое, – тихо сказал он, и лицо его снова приобрело родные черты.

Они смотрели друг на друга. Дочь испепеляла отца взглядом. Но он не чувствовал или давно был испепелён.

– Уходите, – устало попросил он и закрыл дверь.

Настёна оглянулась на Таньку.

– Ты же никому не расскажешь? – спросила она.

– Конечно, нет.

– Ладно, пошли.

Всю обратную дорогу она молчала. Танька, наоборот, болтала без умолку. Видимо, ей и самой было неловко оказаться свидетельницей.

– Ладно тебе, ну подумаешь – другая баба! Мой вон дубасит мать. Я раз прихожу, а у неё вместо лица сплошной синячище. Так он даже не вспомнил на следующий день. Бывает, он её бьёт, бывает – она его. Однажды табурет о его голову разбила, череп чуть не проломила, дура бешеная, как с цепи сорвалась. Так и живём. А у тебя что? Горе? Да ну, брось, смешно даже. Подумаешь! Все они кобели. Не один твой.

Настёне хотелось толкнуть Таньку.

– Помолчи! – сдавленно попросила она.

Та обиделась и бубнила что-то невнятное. А Настёна не замечала: она была как в невесомости, в открытом холодном космосе, которым вдруг обернулся взрослый мир.

Два дня Настёна носила в себе тайну. Она измучилась, не могла есть, и сны снились какие-то дурацкие: будто она лежит в темноте и нечем дышать. Задыхаясь, она силится проснуться, но не может. И становится очень страшно от мысли, что она сейчас умрёт.

Мама, видно, почувствовала, что с дочерью что-то не так. В один из дней, придя с работы, она усадила Настёну на диван, взяла за руки и спросила:

– Настя, доченька, что случилось? Расскажи мне. Я не буду тебя ругать.

Настёна взглянула маме в лицо, расплакалась и всё рассказала.

Мать с отцом долго спали в разных комнатах: мама – в детской, отец – в спальне. Настёну он как бы не замечал и будто не чувствовал себя виноватым, даже наоборот, винил в чём-то её и мать, с которой часто ссорился на кухне. Потом отец уходил, хлопнув дверью. Настёна осторожно выбиралась из комнаты, садилась у маминых ног, обнимала её колени и плакала вместе с ней, мысленно обещая себе, что никогда не позволит ни одному мужчине обращаться с ней так, как обращается с матерью отец. Настёна злорадно представляла, как отец летит в безвоздушном космосе, задыхаясь, и она может его спасти, нужно только протянуть руку. Но она отворачивается и думает: «Ты сам этого хотел».

Мысленная месть успокаивала Настёну, а мама всё плакала и плакала.

– Ну ты него? Хватит уже реветь! – говорила Настёна.

– А вдруг он не придёт? – всхлипывая, отвечала мать.

Но отец всегда возвращался – как планета, летящая по орбите.

Салмыш и берёза

Рассказ

В поезде они почти не разговаривали. Дашка попробовала было расспрашивать, но мать сразу начинала плакать. Дашку это раздражало. Взрослая женщина, а не может понять,

что развод – единственно верное решение. В Рязани стояли двадцать минут; когда Дашка вернулась в купе, на нижней полке сидела моложавая и щекастая хохлушка, а мать взахлёб жаловалась на измену мужа. «Все мужики одинаковы. А как иначе. Кобылыни», – успокаивала хохлушка. И мать не плакала, а смеялась. Дашка, раздосадованная, что первой встречной бабе за несколько минут удалось то, что она не могла сделать целую неделю – успокоить и развеселить мать, влезла на верхнюю полку и уже до Оренбурга не слезала, лузгала семечки и читала повесть Чехова «Степь», скучную и однообразную, от которой тянуло в долгий дорожный сон, полный смутных образов и лилового неба.

Теперь Дашка рассматривала эту самую степь через окно машины. Была она обычная, пыльно-салатовая, с тёмно-зелёными заплатами кустов и, если бы не холмы на горизонте, очень похожая в это время года на привычные тульские луга. Изредка проезжали мимо одинокого дерева или группы деревьев, которые скрашивали однообразный пейзаж. Утреннее солнце уже всю жарило. В открытое окно дяди Толи, сидевшего за рулём, задувал горячий, полный запахов трав и бензина ветер. Рядом с ним молча сидела Юлька, двоюродная сестра. Дядя Толя вёз маму, Дашку и Юльку к бабушке. Он энергично дёргал рычаг скоростей и без умолку хвастался, как сам перебрал подвеску и ходовую у «жигулей», говорил «за материн дом», где отремонтировал пенку и постелил линолеум на земляной пол в кухне. Он постоянно спра-

шивал: «Как? А? Люба? Дашуха? Чё думаете?» Дашка сидела молча: обида её ещё не прошла. Мать поддакивала и хвалила, отчего её старший брат довольно откидывался на водительском сиденье и высовывал загорелый локоть далеко в окно.

Зной и скука томили Дашку, временами хотелось плакать оттого, что мать планирует бросить её в несусветной глуши, чтобы решать без неё семейные проблемы, будто Дашка не была частью семьи. Её мнением не интересовались ни отец, которого Дашка теперь ненавидела всем сердцем, ни мать, которая, похоже, умела только плакать. И всё же Дашка слабо надеялась, что уговорит маму забрать её обратно домой.

Бабушка встретила их у калитки. Полная старуха, в цветастом халате и белом полотняном платке, с коричневым задубелым лицом, растерянно улыбалась, разведя в стороны руки и готовясь всех обнимать. Мать обрадовалась, выскочила из машины, словно помолодев, и обхватила бабушку руками. Дашка подумала, что цвет глаз у бабушки такой же, как цвет степи, которую они только что проезжали, – светло-зелёный. Даше было шесть лет, когда она видела бабушку в прошлый раз, с тех пор совершенно её забыла и сейчас испытывала неловкость и брезгливое удивление от того, как жалко, темно и затхло устроено пространство в бабушкином доме.

Кроме кухни, которая примыкала к огромной печи, в до-

ме была одна комната, разделённая шторкой на две части. В маленькой и тёмной, у печки, жила бабушка. В её закутке стояла широкая продавленная кровать. Две другие, пружинные, застеленные цветастыми покрывалами, располагались в светлой части комнаты, у окон, между двойными стёклами которых лежали горкидохлых мух. На каждой кровати высились треугольники серых подушек, накрытые кружевными платками. Деревянный, выкрашенный коричневой краской пол, дорожка, которую бабушка, показывая комнату, стыдливо мела куцым веником, и что-то вроде трюмо со старым зеркалом в разводах.

Мама уехала в тот же день вместе с дядей Толей. Ей дали несколько отгулов, и оставаться дольше она не могла. Дашка перед сном немного поплакала, смиряясь с новым деревенским существованием. А утром проснулась оттого, что солнечный свет заливал комнату. Сердце Дашки подпрыгнуло, предвкушая необыкновенное, и она вскочила навстречу жизни и новому дню.

Юлька ещё спала, и Дашка разбудила её. Они позавтракали остывшими блинчиками со сметаной, оставленными для них на столе бабушкой, сложили горкой грязную посуду и выбежали во двор.

Воздух в деревне пах переспелыми яблоками, навозом и прелым сеном. Бабушкин участок находился на окраине де-

ревни и заканчивался обрывом. Внизу текла река. На обрыве росла, накренившись к воде, берёза. Казалось, что она вот-вот рухнет в глинистый тёмный поток.

Бабушка показывала им огород и сокрушалась:

– В прошлом году ещё забор был, так тополь стоял. По весне и забор, и тополь смыло. И дед помер. Теперь вот берёза падать сбралась. Видно, моя смерть скоро придёт.

– Баушка, чёй-то ты помирать сбралась? – копируя её, издевалась Юлька. – А кто будет внукам арбузы расти?

Бабушка махнула на них рукой и заулыбалась, показывая полуразрушенные, стёртые зубы. Посмотрев некоторое время на воду, она потёрла руками сухие щёки, помассировала глаза, как бы протирая их от пыли, и медленной, тяжеловатой поступью пошла инспектировать бахчи.

– Вы к краю не подходьте – бултыхнетесь. Салмыш здесь прыткий, – велела она напоследок.

Но едва бабушкина косынка скрылась за подсолнухами, Юлька позвала:

– Айда покурим!

Они спустились по обрыву и спрятались под висящие корни дерева. Дашка не курила, но ей хотелось находиться рядом с сестрой, когда та делала что-то взрослое. Юлька была старше на два года и вела себя так, будто всё знала. Выкурив сигарету, она легла спиной на ствол берёзы и стала задумчиво смотреть в небо, а Дашка, не зная куда себя деть, сидела, свесив в обрыв ноги, и смотрела, как течёт, свиваясь ворон-

ками, коричневая вода.

Везде, где каштановый чернозём не был окультурен бабушкиным огородом, росла конопля ростом с Дашку. Теперь она цвела, и пыльца её лезла в ноздри. Заросли высились сразу за огородом, с той стороны, где кончалась деревня и начиналось дикое чёрт-те что. Дашка поражалась этим зарослям, и земляному гудению насекомых, и жару, идущему от земли. В деревне ей пока всё казалось удивительным: изба-мазанка, где и в пекло было прохладно; похожая на живую утробу печь; умная корова, которую утром нужно выпустить к стаду, а вечером – впустить в сарай; мелкие, но сладкие арбузы, которые они с Юлькой раскалывали и ели руками прямо на бахче; прозрачное озеро, куда они ходили купаться; заросли камыша, коршуны, застывшие в небе, и закаты, такие, будто солнце смотрит тебе прямо в лицо. Деревенская жизнь так разительно отличалась от городской, что Дашка первые два дня жила в каком-то оцепенении, как зачарованная.

На третий день Юлька, скукая от безделья, предложила:
– Айда жарёхи сготовим.

Дашка не знала, что такое жарёха, но послушно рвала листья с конопляных верхушек и складывала в большой полиэтиленовый пакет. Жарили за огородом, где заросли были гуще. Сковороду стащили у бабушки. Костёр разожгли между камней. Листья конопли, оторванные от стеблей, блёкли и скручивались на сковородке, испуская мокрый травяной дух. Когда трава усохла, Юлька спросила:

– Ты на каком масле кашу любишь?

– На сливочном.

– Тащи тогда сливочное. И сахарахвати, чтобы вкусней.

Жарёха напоминала семечки, если их есть с шелухой.

Дашка проголодалась и уминала ложку за ложкой.

– Ты поаккуратнее. Крыша поедет.

Но страха у Дашки не было, и очень хотелось есть. Да и что может случиться от жареной травы? Потом сидели и ждали, когда подействует. Костёр погас. Солнце уже садилось, потянуло холодом с реки. Дашке послышалось, что откуда-то сверху льётся песня. Длинная, заунывная, сложенная из множества тонких, слабых голосов. «Как будто трава поёт», – подумала Дашка.

– Ну как? Чувствуешь чего? – спросила Юлька.

– Есть хочется.

– Ну ты троглодит.

В деревне Дашке действительно почти всё время хотелось есть, наверное, так влиял на неё свежий воздух.

– Ладно, пойдём. Чё сидеть.

Дашка шла за Юлькой сквозь заросли, несла в руках тёплую ещё сковородку, и голова её была пуста. Всё плыло, как во сне: волны жара и полевого запаха стали ощутимы, она даже видела их, а воздух как бы превратился в вязкий клей. Вдалеке послышался низкий моторный рокот, и трава задрожала, улавливая ритм. Дашке показалось, что она пони-

мает каждую травинку, каждое дерево, кузнечика или василёк, стоит только сконцентрироваться на чём-то одном из бесконечного многообразия жизни. Но удерживать внимание было сложно: оно текло куда-то само собой, разнося в пространстве и саму Дашку. От этого становилось страшно. Хотелось взять палку и стучать по дну сковороды, приплясывая, как первобытный человек, чтобы этим ритмом и танцем осознавать себя в мельтешащей Вселенной, полной грохота мотора, влажного духа реки и истлевающего за оврагом солнца.

– Оп-па, – радостно воскликнула Юлька. – Смотри, кто приехал.

Дашка выглянула из-за Юльки и увидела бабушкин забор, нагретую сухую дорогу, вечернюю мошкарку, суетливо снующую в воздухе, и – Его.

Худой, скуластый, с ястребиным носом, в просторной рубаше и закатанных до колен штанах. Он сидел на мотоцикле, нагло расставив ноги и сутулясь, курил и посмеивался, обнажая зубы, на одном из которых виднелся косой скол. Он с издёвкой смотрел на Дашку.

– Откуда вы такие вылупились?

– Что? Вылупились? – Юлька захохотала. – Вылупились! Да мы жарёху ели.

Смех её был странный, высокий и какой-то резиновый.

– Лёха! Лёх! – Она никак не могла остановиться. – Фу-у-у-уф... – Утирая слёзы, Юлька показала на Дашку: – Это

Дашка. Моя сестра. А это – Челюкин Лёха.

Дашке казалось, что Лёха светится: тело его сплеталось из солнечных лучей, пыльных трав, запаха бензина и какого-то неизвестного сияния. Лицо переливалось золотом, зрачки походили на протуберанцы.

– Она чё, дурочка у тебя?

Юлька опять засмеялась.

– Да прёт её, – еле выговорила она, сгибаясь от смеха.

– И тебя, вижу, прёт. Ха-ха словила? – Челюкин показал Юльке указательный палец, согнул и разогнул. Юлька залилась.

– Дашка, а ты чё? Тупишь?

Дашка не могла ответить. Язык приклеился к нёбу, в теле разливалась дрожащая слабость.

– Фу-уф! Ладно, – Юлька кое-как успокоилась. – Лучше домой её отведу. А то она жрать хочет.

Дашка в тот вечер съела всё, что смогла найти в доме: горшок «сотни» с творогом, щи из свежей капусты, половину банки варенья, чёрствое песочное печенье, которое лежало ещё с приезда, пригоршню сушёных яблок. Непонятно, как это поместилось в ней. Бабушка сначала подкладывала и глядела с умилением, а потом ушла по своим делам. Дашка увидела на подоконнике обрывок какой-то газеты и впиалась в него глазами, пытаясь понять хоть одну строку. Потом вспомнила, что есть книжка. Не умываясь, не раздеваясь, легла в кровать и читала, но слова не складывались в

предложения, смысл терялся. Зато само занятие удерживало Дашку от дурноты. Потом она уснула. Когда проснулась, за окнами было совсем темно. Бабушка спала на своей кровати, не задёрнув шторку. За домом, под окнами, слышались голоса. Дашка удивилась тому, что оказалась раздетой. Она натянула джинсы, свитер и вышла на улицу.

На лавочке возле дома сидели Юлька и ещё двое парней – тот, вчерашний, и второй: чуть выше, крупней и, в отличие от Челюкина, белобрысый.

– Ну ты соня-засоня. Больше суток дрыхла.

Дашка удивилась. Как это – больше суток?

– Мы с тобой вчера жарёху ели. Прикинь?

– Лучше переспать, чем недоесть. – Челюкин, посмеиваясь, смотрел исподлобья.

– Ну и струхнула я за тебя, – Юлька взяла Дашку за плечи. – Бабуля думала, что ты в летаргию впала. Скорую хотела вызывать. Еле отговорила. Эй. Ты меня слышишь вообще? Этого помнишь? Челюкин.

Даша помнила. Ещё как помнила. Но стеснялась на него даже смотреть.

– А это Богданов. Андрей. Знакомься.

Богданов кивнул, Дашка машинально протянул ему руку. Он замешкался, но всё же пожал, берясь только за указательный палец.

– Даш? – позвал Челюкин.

– А?

– Проверка связи. А то молчишь, молчишь. Думаю, может, оглохла.

– Ничего я не оглохла. – Это прозвучало так по-детски, что Дашка совсем смутилась.

– Глаза, Дашка, у тебя красивые. Красные-красные.

– Отстань от неё. Она ещё маленькая.

Так у них появилась тусовка. Челюкин и Богданов приезжали каждый день после захода солнца, оба – на мотоциках, только «Урал» Богданова был с коляской. Пацаны брали Юльку с Дашкой и ехали кататься: вокруг деревни, на озеро, на качели, которые стояли на перекрёстке двух деревенских улиц, к старой мельнице или просто в поле, где на скорости тряслись по ухабам, рискуя раздробить зубы или откусить язык. После вчетвером сидели на лавке перед домом или устраивали ночные вылазки в огород одного вредного мужика, который выращивал изумительные медовые дыни и яблоки редкого для этой местности сорта – апорт.

С пацанами Юлька была на равных: материлась, курила, сплёвывала и даже пила деревенский самогон. Она умела водить мотоцикл и, не спрашивая разрешения, садилась перед Челюкиным, уверенно хваталась за руль и газовала с места. Худющая, темноглазая, короткостриженная, она легко могла сойти за пацана. Она и в движениях была резковата. Дашка, в отличие от неё, казалась женственной: талия, бёдра и, несмотря на возраст, третий размер груди. Самой Дашке эта

недавно приобретённая телесность была неудобна, привлекала внимание и требовала усилий – всех этих лифчиков, которые приходилось подшивать, прокладок и терпения, потому что постоянно что-то болело: грудь, живот, голова. Хотя Дашка уже ощутила власть, которую давала внешность, но пока не разобралась, для чего она ей.

И Богданов, и Челюкин время от времени как-то странно на неё смотрели. Богданов, если она замечала, делал вид, что ему нет дела. Челюкин же пошло шутил. Однажды, слезая с мотика, он случайно задел её грудь рукой. Дашка вскрикнула от неожиданности.

– Выставила свои среднерусские возвышенности, – будто обиженно упрёкнул Челюкин.

Ночами Дашка вспоминала это прикосновение, в животе сладко саднило и млело. Дашка, мысленно разговаривая с Челюкиным, погружалась в негу, приятную и одновременно удушающую, которая не давала нормально выпасться, потому что вместо сна продолжались эти мучительные разговоры, во время которых она замечала, что с её внешностью что-то не так: задралась юбка, или порвались капроновые колготки, или она вовсе оказалась голой, и стыдно до слёз, потому что во сне это не просто тело, а вся она, со всеми её непристойными поступками и мыслями как на ладони.

Дашка думала о Челюкине постоянно. Больше всего ей нравилось представлять, как он целует её. Дальше фантазии не шли, хотя она примерно знала, что происходит во время

секса. Но поцелуй оставался высшей из возможных радостей воображаемой любви.

Оказалось, что у Юльки и Челюкина была какая-то предыстория, про которую Юлька не рассказывала. Она и Челюкин сошлись буквально с первой встречи и вели себя так, будто уже давно пара. Вообще, они стояли друг друга: наглые, чернявые и острые на язык, они постоянно подначивали друг друга, каждую минуту затевая новый дурацкий спор.

– Эй, мочалка крашенная, – обращался к Юльке Челюкин.

– Пошёл в жопу, – как бы злилась она. – Это мой родной цвет.

– Да я не про голову.

– Ха-ха. Как смешно.

– Смешно дурочке, чебурахнули её в переулочке.

– Лохопедрик недоношенный. – Челюкин был мелкий, и Юлька подкалывала его этим, и сама же обидно хохотала.

– Чё ты ржёшь, моя кобыла, в туалет сходить забыла?

– Ах ты дрищ в обмотках! – Юлька гонялась за ним вокруг мотоцикла, ловила, мутузила. Возня эта заканчивалась поцелуями. А Дашка, скованная возбуждением и неловкостью, в такие моменты замирала. Богданов же краснел и высматривал что-то у себя под ногами.

Гулянка заканчивалась в час-два ночи. Но Юлька не всегда шла домой, а спроваживала одну Дашку. Сама зависала с Челюкиным до рассвета. Дашка, ворочаясь в пружинной яме

кровати, ждала её возвращения, не зная, зачем ждёт. Будто это делало её причастной. Похрапывала в темноте бабушка, а Дашка почти плакала от обиды на Юльку, но днём, дождавшись её пробуждения, выпрашивала, где были и что делали, и канючила, уговаривала взять в следующий раз с собой. Юлька как-то неопределённо соглашалась или говорила: «Куда я тебя возьму?» И Дашка понимала, что, действительно, брать её некуда: они проводили время вдвоём, занимаясь «этим», и ей, Дашке, было там не место.

Однажды после особенно знойного дня поехали купаться. Летняя ночь томила неостывшим дневным жаром. Озеро – круглая каменная чаша, которая осталась после добычи доломита, – было заполнено прозрачной холодной водой. Вдоль кромки росли плакучие ивы, касаясь ветвями озёрной глади. Днём здесь прыгала в воду с тарзанки деревенская дитя. Ночью озеро превращалось в русалочье, заколдованное место, куда приходили купаться голышом подростки.

К озеру ехали по дороге вокруг деревни, потом срезали через поле и – сквозь камыши. Дашка сидела за спиной Богданова и удивлялась, как он и Челюкин ориентируются в темноте. Ночь была безлунная. Дашка, привыкшая к городскому освещению, никак не могла освоиться с тем, что сразу после захода солнца деревня погружалась в черноту. И эта открытость, обнажённость перед лицом звёздной бездны её пугала.

Луч света выхватывал грунтовую дорогу, кусты на обочине, плывущий по ветру ковыль. Всё проносилось мимо, существуя только мгновенья. Когда парни заглушили мотоциклы и погасили фары, Дашке показалось, что она ослепла. Но постепенно проступили звёзды и еле сияющая в их свете вода.

Пока Дашка думала, как ей купаться – голой или в белье, а потом боролась со своим страхом, что придётся в кромешной тьме войти в ещё более тёмное озеро, остальные уже прыгали в воду.

– Дашка, ну чё ты, ссышь? – крикнул Челюкин.

Дашка сняла ветровку, джинсы, кофточку. Дёрнула, заломив назад руку, застёжку бюстгальтера. Груды вырвались на свободу, и она сразу же ощутила, как они тяжелы и как непривычно, когда их касается тёплый ветер. Расхрабрившись, она стянула с себя и трусы, сунула их в карман джинсов и побежала на цыпочках к воде. Заходила в ледяное озеро медленно, прикрываясь руками.

– Ныряй! – крикнул Богданов.

С перепугу, что её видно, Дашка набрала в лёгкие воздуха и нырнула.

Она хорошо плавала и любила воду, которая освобождала от всего: от тяжести тела, от мыслей и тревог. Вот и сейчас, погрузившись насколько хватило дыхания, но так и не достав дна, она сделала несколько больших гребков под водой и вынырнула совершенно счастливая. Отфыркиваясь и

выравнивая дыхание, Дашка медленно поплыла. Выкатилась из небесной тени луна, и засияла на воде дорожка, по которой Дашка неощутимо двигалась, запуская ладони-рыбки в её жидкий свет и разгребая в стороны, глядя, как вода рассыпается бликами от движений. Выплыв на середину озера, Дашка замерла от восторга. Она словно парила в невесомости. В воде, как в тёмном зеркале, отражались звёзды. От лёгкой ряби всё сияло. Ниже, под Дашкой, чернела немыслимая глубина, и казалось – кто-то наблюдает за ней оттуда и, если захочет, вынырнет и утащит за ногу в подводный мир. Захлестнул ужас. Дашка, поборов панику, ещё раз нырнула и, уже не в силах отделаться от ощущения, что из озера за ней наблюдают, старалась двигаться грациозно, ощущая холодную воду как ласки того неизвестного, таящегося в глубине. Это возбуждало. Она даже забыла о Челюкине с Юлькой, которые уплыли куда-то в заросли ивняка.

Богданов тихо, без всплесков грёб в отдалении. Дашка вспомнила о нём, только когда подплыла к берегу.

– Отвернись, – попросила она Богданова, медленно подплывающего к ней.

– Можешь вытереться моей футболкой! – крикнул он и нырнул, выныривая где-то в середине озера.

Они сидели вдвоём на коже от мотоциклетной люльки. Дашка дрожала. Богданов обнял её. Дашка удивилась, но промолчала. Так действительно было теплей.

– Будешь со мной гулять? – спросил Богданов.

Дашка предполагала, что нравится ему, и всё же не ожидала. Мечтая о Челюкине, Богданова она как-то выпускала из внимания. Думать о нём было неинтересно. Да, он был высоким и статным парнем. Не красавец и не урод. Нормальный. В чём-то даже симпатичный. Но Дашка не чувствовала в нём той манящей сладости, от которой сходила по Челюкину с ума. Наверное, она могла бы влюбиться в него, в его тихое и заботливое сопереживание, в ненавязчивость и умение оказываться рядом в нужный момент. Днём он учил Дашку водить мотоцикл. Она умудрилась за тридцать метров заглухнуть три раза, он даже не повысил на неё голос. Но Дашка была влюблена в Челюкина, и чувство это требовало развития, забирало силы. А тут Богданов и его «будешь со мной гулять?».

– Я подумаю, – неуверенно сказала Дашка, стесняясь на него взглянуть. Она почему-то ощутила себя обязанной ему за его куртку, за объятия, за кожух люльки.

– Подумай, – тихо ответил он.

Дашка думала весь следующий день. В согласии были свои соблазны: во-первых, Юлька больше не спроводит её домой, во-вторых, Челюкин, возможно, начнёт ревновать. Но было и другое – ложь: Дашка любила другого, не Богданова, и ей наверняка станет противно с ним целоваться. А он ведь хороший парень, может, кто-то даже сохнет по нему. «Или я сама в него влюблюсь?» – думала Дашка, уже приняв

решение и оправдывая себя.

Дашка не объясняла Юльке всего, но про предложение Богданова рассказала.

– А чё париться? – Они завтракали, и Юлька торопливо запихивала яичницу в рот, запивая растворимым кофе. – Тебя это не обязывает. Повстречаешься, потом бросишь. Да и лето кончится, в конце-то концов.

– Думаешь, соглашаться?

– Конечно, соглашайся. А чё?

И Дашка стала встречаться с Богдановым. Она в него не влюбилась, не грезила о нём, не волновалась от его прикосновений. Он был ей как взрослый и заботливый брат, о котором она всегда мечтала.

Богданов часто приезжал днём один, без Челюкина, возил Дашку в продуктовый или просто на поле, где они, сидя в тени деревьев, наблюдали за парящими в небе коршунами. Дашку угнетало, что Богданов всегда молчит. Она что-то ему рассказывала – про школу, про свою жизнь, – но он только неопределённо улыбался, пожимал плечами или жевал травинку. Дашка капризничала:

– Ну, скажи что-нибудь.

– Чё сказать? Вроде и так всё понятно. – И он лез к Дашке целоваться, а она, найдя повод обидеться, отталкивала его, вырывалась и просила отвезти домой.

Вечерами Богданов и Челюкин приезжали вместе. Брали

девчонок и везли на хату к Богданову. Дом его был больше, чем бабушкин, светлей, стены выкрашены в жёлтый. Но в целом такая же одноэтажная мазанка, как у всех.

Богданов накрывал стол: самогонка, квашеная капуста, огурцы, помидоры, хлеб, иногда варёная картошка. Впрочем, пили мало. Дашка вообще не пила, хотя Юлька сказала, что немного можно. Дашке не нравился отвратительный жгучий вкус и кислый, перебродивший запах, она не могла понять, ради чего люди пьют.

Иногда приходили другие деревенские пацаны: Кривой, Тазик, дурачок Никитка. Их напайвали и выгоняли. Приходила Оля Пискунова, светловолосая, с крупными чертами, всегда как бы опухшая от слёз и неустроенной жизни. Из её рассказов Дашка поняла, что мать у неё бухала и Оля часто сбегала из дома. Богданов, чьи родители на всё лето уехали в город на заработки, пускал её ночевать. Что-то между ними было, но Дашке не хотелось вникать, со своими бы страданиями разобраться. Пискунова выпивала пару рюмок и пускалась в воспоминания: как резала вены и скорая её едва спасла, потому что долго ехала из Оренбурга; как её изнасиловал дальнбойщик, когда автостопом добиралась до соседнего села; как бухая мать выгнала без обуви на мороз. Рассказывая, Пискунова смотрела на Богданова, ожидая его сочувствия. Он хмурился и просил:

– Не трндела бы ты. Иди домой.

Лицо её грустнело, губы оплывали, будто она собиралась

плакать, но она слушалась и шла к двери.

После первого её такого представления Дашка, потрясённая, спросила:

– Это правда?

– Что? – Богданов подсаживался к ней.

– Что она рассказывала.

– Да она придурочная, как и её мать. – Челюкин сдавал карты, они играли с Юлькой в дурака на раздевание. Юлька уже проиграла серёжки.

Богданов закидывал на Дашку свою большую, тяжёлую руку и смотрел на неё как на пирог, который собирался съесть.

После ухода всех лишних Юлька с Челюкиным и Богданов с Дашкой принимались сосаться. Целовались до одурения, так, что губы у Дашки болели. Для интереса она представляла, что целуется с Челюкиным. Но у того губы были другие – тонкие и требовательные. А у Богданова большие, похожие на пельмени. Целуясь, он причмокивал и лез языком в рот. Это мешало сосредоточиться на воображении.

– Подожди, подожди, – Дашка с трудом отодвигала его от себя, – давай поговорим.

Распаренный, ошалевший, он бессмысленно смотрел на неё, словно в голове у него вместо мыслей был влажный пар. Говорить в такие моменты он был не способен и ждал от неё команды «можно». На соседнем кресле Юлька сидела у Челюкина на коленях, лицом к нему. Челюкин крепко держал

её затылок. Дашка невольно задерживала взгляд на его руке, Челюкин, продолжая целовать Юльку, подмигивал ей. Она вспыхивала и ощущала, как разливается волнение по рукам, ногам и всему телу. И даже Богданов, с его телячьими губами, становился в этот момент приятным.

«А что если Челюкин любит не Юльку, а меня? – думала, целуясь с Богдановым, Дашка. – А с Юлькой он просто из-за обстоятельств. Они же мутили ещё до моего приезда». Мысль эта казалась Дашке верной. Разве может быть, что она чувствует странную болезненную тягу, а он – нет? Ну а Юлька? Что Юлька? Легче было просто не думать о ней.

Нацеловавшись, Челюкин и Юлька шли в дальнюю комнату, за печку. Перед уходом Юлька неизменно показывала Богданову кулак:

– Чем пахнет?

Богданов, наэлектризованный и одновременно размякший, отталкивал её руку.

– Смотри, ей четырнадцать.

– Да понял я, понял.

И Богданов охлаживался, отстранялся, сам начинал какой-нибудь дурацкий разговор. Дашка же с тоской смотрела на темнеющий проём двери, где скрывались Челюкин и Юлька, ей становилось скучно и хотелось домой.

Как-то Дашка возвращалась в дом из туалета, который у Богдановых был на улице. Войдя в сени, она скинула санда-

лии и слышала странный звук. Тихое, жалобное поскуливание, сопровождаемое ритмичными глухими ударами. До неё как-то не сразу дошло.

Юлькин голос стал неузнаваемым. Она постанывала с надломом, будто вскрикивала раненая птица. Дашка стояла и слушала, по телу ползали тошнотворные мурашки. В сенях вдруг отвратительно запахло луком. Стало тяжело дышать, на грудь и живот что-то надавило, и хотелось, чтобы давление продолжалось, чтобы оно заполнило её и чем-нибудь разрешилось. Возбуждение, смешанное со странной гадливостью, налило тело, и одна только мысль осталась в голове: отчего Юлька так странно стонет?

Лето близилось к окончанию, шла вторая половина августа. Скоро должна была приехать мать, но Дашка старалась не думать об этом: ей не хотелось вспоминать, что есть другая, городская жизнь. В субботу собирались в соседнюю деревню на дискотеку. У Дашки было на такой случай короткое бархатное платье, обтягивающее фигуру.

Любовь её после той ночи изменилась, переплавилась, наполнилась болезненной горечью оттого, что уже невозможно вообразить поцелуи, не вспоминая Юлькины постанывания, запах лука и сумрак сеней. И всё же Дашка хотела, чтобы Челюкин увидел её в этом платье, которое она берегла специально для такого случая.

Днём в субботу Дашка помогала бабушке: подметала пол в доме, вытряхивала половики, рвала поспевшие арбузы на бахче и раскатывала на вареники тесто, а потом лепила конвертики с тёртым картофелем, из которого вытекал, расквашивая уголки, тёмный сок. Дашка удивлялась скорости и сноровке бабушкиных заскорузлых пальцев, которыми та скрепляла тесто, не давая начинке выпадать.

– А сестра твоя где? Гуляет?

– Гуляет.

Юлька действительно пропадала с самого утра.

– Грустишь чего? – бабушка жалостливо на неё посмотрела, продолжая лепить вареник.

– Про маму думаю. Как она там?

Бабушка ничего не сказала. Как-то однажды мама призналась Дашке, что никогда не чувствовала себя по-настоящему любимой: ни в детстве, ни сейчас.

– Бабушка, ты волнуешься за маму? – спросила Дашка.

– А то как же. Думаю каждый день. Она ж мне доча.

– А ты знаешь, как её папа обидел?

– Ну что ж, что обидел. Бывать. А всё равно куда иголка, туда и нитка.

– Нет, бабушка. Теперь не так. Жизнь изменилась, – обиделась за маму Дашка.

– Куда мне знать? Пять классов школы. Необразованна я.

Вернулась с выпаса корова, и бабушка ушла доить. На

Дашку, оставшуюся в одиночестве, напало томительное предчувствие, от которого хотелось мечтать и ничего не делать. Она пошла к берёзе, легла на ствол, обняла его и посмотрела на воду, которая казалась свинцовой и притягательной. Сам собой перед глазами появился Челюкин, будто она обнимала его, а не берёзу. Вместо коры – его губы. Гладкость ствола – щека. И они проваливаются вдвоём в темноту, опрокидываются и летят в пропасть.

– Спишь, что ль? – Рядом с обрывом сидела на корточках и курила Юлька. Она смотрела на другую сторону реки, где расстилалась безлюдная степь, высились холмы на горизонте, на них лежали розовые облака и светлела жёлтая полоса заката, которая огибала весь горизонт. Короткие волосы Юльки трепал ветер. Широкие казахские скулы, вздёрнутый нос и глаза, привыкшие щуриться от солнца. Юлька была такой красивой и чужой, непонятной. Нет, никогда Челюкин не предпочтёт её Юльке.

– Ты любишь Челюкина? – спросила Дашка.

Юлька затянулась, выпустила дым колечком.

– Я в любовь не верю.

– Почему?

– В ней смысла нет. Одни слова.

Она щелчком пальцев кинула в реку бычок, он упал на воду, сделал оборот и исчез в пучине.

– Пойдём, – грубовато сказала Юлька. – Эти через час приедут. А ты начнёшь сейчас чёлку начёсывать, ресницы

красить.

Когда неслись на двух мотоциклах в соседнюю деревню, Дашке было весело. Ночной тёплый воздух плотным потоком обтягивал шею и лицо, задувал под джинсовую куртку и охлаждал колени. Дашка, высовываясь из-за спины Богданова, визжала от восторга. В глаза попадала мошकारа, и Дашка пряталась.

Соседняя деревня оказалась страшной. Ни одного фонаря даже на центральной улице. Темнота враждебно топорщилась силуэтами домов. Остановились у дома без окон, над входом висел зелёный фонарь, в его свете мелькали тёмные, похожие на насекомых фигуры.

Дашка слезла с мотоцикла и, разминая затёкшие плечи, вышла под свет фар.

Челюкин заржал своим высоким издевательским смехом. Дашка, ослеплённая, не поняла, в чём дело. Подошла Юлька, поднося зеркальце и тоже давясь от смеха. Дашка заглянула в него. Волосы сбились колтуном и стояли, как раздёрнутый ветром стог сена, по лицу расходилась к ушам тёмными полосами тушь.

– Господи, какой ужас! – Дашка, униженная тем, что и Челюкин, и Богданов увидели её такой, присела на корточки и поползла в тень за мотоцикл. Челюкин хохотал. Богданов тоже не выдержал и хмыкнул.

– Говорила я тебе, нечего так краситься, – Юлька присела

рядом, доставая носовой платок. – Всё равно не видит никто. Темень такая.

Дашке стало плохо, даже затошнило. Она так старательно наряжалась, красилась и накручивала плойкой волосы. Приготовление заняло полтора часа. И пожалуйста – такой стыд. Она всхлипнула.

– Эй! Чего? Подумаешь, тушь потекла. Делов-то, – Юлька оттирала платком полосы на Дашкиных щеках.

– Как я на дискотеку пойду?

– Не парься. – Юлька плюнула на край платка. – Ща всё сделаем. Будешь принцесска.

У Юльки волосы тоже торчали в стороны, но не колтунами: она не использовала лак. Да и лицо было обычным, без косметики. Ребята чем-то гревели в темноте.

– Будете пить? – Челюкин заглянул в круг света.

– Бли-и-ин! Уйди! – закричала Дашка.

– Подожди там. Мы пару минут.

– Да чё я, крашенных малолеток не видел? У меня пугало на бахче такое же стоит.

Слышно было, как он сделал глоток и шумно выдохнул.

– Дай мне, – Дашка встала и потянулась к бутылке. Он пожал плечами и дал.

Дашка сделала четыре больших глотка. На пятом Юлька отняла бутылку.

– Э, ты чё? Хорош! Куда тебе столько?

– Закусь нужна? – Богданов протянул яблоко. Дашка от-

кусила.

– Малолетка в разнос пошла, – Челюкин налил в появившуюся у него в руках алюминиевую кружку. Подмигнув Юльке, снова протянул кружку Дашке.

– Вы куда ей льёте? Очумели совсем.

– Да всё нормально, – Дашка, уже опьяневшая, говорила заплетающимся языком. Ей стало легко и весело. Напряжение отпустило. Она выпила ещё глоток из кружки, отдала и снова присела, чтобы видеть лицо в свете фар.

– Закусить, – Богданов снова протянул ей яблоко.

Она оттолкнула его руку и направила на себя зеркальце:

– Я ль на свете всех милее?

В свете луны в лице проступило что-то демоническое. Тушь со щёк почти оттерли, осталась тёмная неаккуратная обводка вокруг глаз. Волосы, кое-как приглаженные расчёской, торчали, но теперь Дашке казалось, что это ей даже идёт.

– Как думаете, я красивая? – спросила она.

– До безобразия, – откуда-то сверху сказал Челюкин.

– А соль есть? – спросил Богданов.

– Ща, – Юлька полезла в пакет.

Они уже накрыли на люльке «стол»: яблоки, помидоры, кусками поломанный хлеб.

– Ого! Прямо банкет! – Дашка вернула Юльке зеркало.

– Кто там греет бутылку? Наливай.

– И мне.

– Дашке хватит.

– Блин, помидором брызнул.

– А где дискотека? – озираясь, спросила Даша. Теперь, когда она опьянела, пространство расширилось, искривилось и заполнилось движущимися тенями. – Как-то тут страшно-вато. Это точно деревня?

– Маленькая, уютная деревенька, – сказал Челюкин и добавил хриплым загробным голосом: – Упырей!

– Не пугай её, она ещё ребёнок.

– А бухает как взрослая.

– Отстань от неё.

Дашке показалось, что они в поле. Дул сильный промозглый ветер. Вдали светилась маленькая зелёная дверь.

– Вон дискотека, – показал на эту дверь Богданов.

Дашка, не говоря ни слова, пошла.

– Эй, ты куда? – крикнул Богданов.

– Танцевать! – не оборачиваясь, крикнула Дашка.

– Подожди нас.

Дашка качнулась и помахала рукой.

Дискотекой оказалась тёмная комната в обшарпанном деревянном доме без окон, в которую набилась пьяная молодёжь. Было жарко и накурено. Проходя сквозь дёргающуюся под музыку толпу, Дашка старалась не смотреть в лица. Взгляды обшаривали её, и она боялась зацепиться за чьё-то внимание. В дальнем углу, возле диджейского стола, подми-

гивала фиолетовым светомузыка. В центре комнаты с потолка свисала мутная красная лампа на длинном проводе. Дашка встала под неё, в круг света, закинула над головой руки, качнулась и повела ладонями по себе: волосам, шее, груди, бёдрам.

«Ды-ым сигаре-е-ет с менто-о-лом, пья-а-аный уга-а-ар кача-а-ает».

Пьяный угар действительно покачивал. Когда она закрывала глаза, начинало подташнивать, пространство наклонялось, меняя гравитацию, и тело куда-то вело. Дашка решила, что глаза лучше открыть. А вокруг уже топтались тёмные мужские фигуры. Пятеро или четверо. Ей стало страшно. Она поискала глазами своих. Челюкин стоял у стены. Смотрел. Жарко. С усмешкой. С какой-то своей издёвочкой.

Дашка сама не поняла, как это произошло, будто помимо её воли. Между ними натянулась и зазвучала струна, которая отдавалась в животе Дашки. Эта струна потянула, и ноги пошли. Он смотрел. Насмешка на его лице медленно превращалась в удивление. Кто-то толкнул Дашку в плеио, но она не обратила внимания. Она приблизилась к Челюкину, обняла его за шею и прильнула губами к его губам. Он ответил. И это оказалось именно так, как она представляла: требовательно и сладко.

Дашке показалось, что поцелуй длился бесконечно долго. Челюкин вдруг отстранил от себя Дашку и испуганно посмотрел в сторону. Дашка тоже повернулась туда. У стены

стоял Богданов. Его лицо было мрачным и жестоким. Дашка удивилась: она не ожидала, что он может быть таким. Губы кривились от отвращения, злые морщины залегли вокруг рта, глаза смотрели холодно и брезгливо. Он схватил за шиворот первого подвернувшегося под руку паренька и ударил кулаком в челюсть. Тот отлетел в центр танцпола. Все ненадолго замерли.

– Мочи булановских! – заорал кто-то вдруг. И вся толпа сразу вспенилась, забурлила.

Неожиданно сменилась музыка. Заиграла песенка группы «Руки вверх»: «Забирай меня скорее, увози за сто морей и целуй меня везде, я ведь взрослая уже». Челюкин оттолкнул Дашку в сторону, спасая её от удара: на них летел с выставленным кулаком крупный хмырь. Челюкина пихнули в грудь, его отшвырнуло. Сверху на него упал нападавший. Вокруг образовалось кольцо людей, сквозь которое было видно только мельтешение тел. Мимо пронеслась Юлька, она визжала и расталкивала людей. Мелькали руки, спины, перекошенные лица и растянутые криком рты.

Дашка стояла, прижатая к стене, и не знала, что делать. Стена оказалась мокрая, и Дашку это удивило. Она посмотрела вверх, откуда стекали тёмные крупные капли. Помещение, лишённое вентиляции и забитое распаренными людьми, покрылось испариной. Всё происходящее было абсурдом: ходящее ходуном чудовище со множеством голов и рук, похожий на чёрную росу сок на стенах и дебильная ра-

достная музыка. И она, в обтягивающем бархатном платье.

Тут её кто-то потянул за руку. Это был Богданов. Не глядя, он тащил её вдоль стены к выходу, а Дашка думала, что платье, наверное, промокнет.

– Не тупи! – крикнул он, оборачиваясь, и Дашка очнулась.

Они быстро протиснулись за спинами стоящих вдоль стен людей. Богданов вывел её на улицу и толкнул в темному:

– Иди к мотоциклам. Жди.

И исчез.

После прокуренного смрада дискотеки воздух был приятен и свеж. Дашка стояла опираясь на «Урал» Богданова и кутаясь в свою джинсовку, которую, оказывается, оставила на руле. Дашка мёрзла. Платье действительно стало влажным, и теперь её пронизывало сквозняком. Хмель выветрился, захотелось спать. Дашка почему-то не думала про драку, в этот миг Челюкин, Богданов и Юлька как бы перестали существовать. Она просто ждала и смотрела на небо.

Глаза её привыкли к темноте, и ночь оказалась вдруг очень звёздной. Дашка подумала, что в городе не бывает таких звёзд. Здесь они обволакивали. Своим свечением создавали ощущение объёма, будто весь этот космос на самом деле находился внутри неё, в животе. Дашка задохнулась от восторга и жалости, что всё это величие и красота могут быть восприняты только на незначительное мгновение и нет никакой возможности получить это навсегда, стать частью этого.

– А может, и есть, – самой себе сказала Дашка и застегнула

на куртке пуговицы.

Богданов вёл Челюкина и Юльку за руки, как детей. Он действительно сейчас казался их старше. Под левым глазом набух отёк, из носа кровило.

– Ты лампочку разбил? Молодчик! – Челюкин одобрительно похлопал Богданова по спине.

– Охренел? – кричала Юлька. – Я всё видела. Зачем он этому чуваку влупил?

– Надо уезжать, – серьёзно сказал Богданов.

– Это не он начал. – Челюкин, утирая окровавленные губы, тяжело посмотрел на Дашку.

– Ты едешь? – спросил Богданов у неё, садясь на мотик и заводя мотор.

Она села, обхватила его руками.

– Спасибо этому дому, – Челюкин отвесил поклон в сторону дискотеки, – пойдём к другому.

– Быстрее! – скомандовал Богданов.

Со стороны дискотеки слышались выкрики. Их искали, и теперь, когда включились фары и стал слышен мотоциклетный рёв, нашли. Тёмные фигуры бежали, матерясь, в их сторону. Челюкин газанул. Юлька взвизгнула и заорала матом. Дашка сильнее вжалась в спину Богданова, ей показалось, что теперь она влюблена в него.

На перекрёстке после въезда в Буланово Челюкин с Юлькой свернули направо, Богданов повёз Дашку налево. У неё упало сердце. Он остановил лютик возле бабушкиного дома.

– Иди, – сказал он.

Уже светало, и над травой поднимался слабый молочный пар.

– Прости, – сказала она, слезая с мотоцикла и чувствуя щиколотками мокрую траву.

Он посмотрел исподлобья так, будто одновременно прощал и прощался.

– Дура малолетняя, – сказал он.

Дашку словно резануло от этих слов, выступили на глазах слёзы.

– У тебя кровь. – Она потянулась было вытереть струйку у него под носом, но он отстранился, скупно кивнул и вывернул газ на руле.

Дашка стояла ещё минуту, глядя на удаляющийся мотоцикл и спину Богданова, вдыхая утренний деревенский воздух с лёгким привкусом выхлопных газов и чувствуя здесь себя чужой. Она знала, что больше никогда не увидит ни Богданова, ни Челюкина, ни ночной деревенской жизни, где перемешаны убожество и величественная красота. Даже Юлька, хоть и останется сестрой, больше никогда не будет подружкой. Зря Дашка всё же не доверилась ей. Может быть, всё было бы иначе.

В сарае замычала корова. Дашка открыла калитку и вошла во двор. Пройдя сквозь огород, она вышла к берегу. Хотелось обнять берёзу и выплакаться, стоять и смотреть на тёмный речной поток, уносящий тоску и похмелье. Но берёзы

не было, остался только вывороченный кратер в земле, свежая рана на боку обрыва. Вода унесла дерево. Такое высокое дерево. Такая узкая река. Обрыв без берёзы стал пуст и неуютен. Дашка пожала плечами и побрела к дому, чувствуя такую усталость, словно прожила сто лет. На крыльце стояла бабушка в своём обычном цветастом халате и фартуке. Она вышла доить корову. Дашка кивнула ей и пошла спать.

Юлька на следующий день уехала в Оренбург: у неё оказались какие-то срочные дела, связанные с поступлением. Ни Челюкин, ни Богданов к Дашке больше не приезжали, хотя она ждала. Дашка всю оставшуюся неделю помогала бабушке: таскала лейками воду для огорода, полола грядки, собирала упавшие яблоки и созревшие арбузы. А в субботу приехала мама, похудевшая и счастливая, и Дашка поняла, что они с отцом помирились.

На поезд Дашку и маму провожали дядя Толя и Юлька. Пока сидели в зале ожидания, мама уговаривала дядю Толю привезти следующим летом бабушку к ним, в Тулу.

- Она не поедет, ты ж знаешь.
- Матери уже тяжело одной в деревне.
- Не одна она. Мы рядом, – успокаивал дядя Толя.
- В Оренбурге?
- Сел да приехал. Бешеной собаке семь вёрст не крюк.

С Юлькой разговор выходил какой-то официальный: школа, выпускные экзамены, институт. Юлька этим летом не по-

ступила и собиралась идти работать швей. Про Богданова и Челюкина не говорили.

Объявили поезд. На перроне пахло жарким асфальтом, мазутом и тухлыми овощами. Долго тащились по солнцепёку с сумками: номера вагонов были с хвоста. И уже перед посадкой Юлька протянула Дашке бумажку:

– Челюкина адрес. Напиши письмо.

– А ты?

– Сдался он мне. У меня в Оренбурге парень.

После возвращения в Тулу Дашка написала два письма. Одно Челюкину, в котором признавалась в любви. Второе – Богданову, где объясняла, почему поступила так подло. Оба письма она отправила на адрес, что дала Юлька. Ответа ни на одно не пришло.

Уже в октябре Дашка забыла про деревенскую любовь. Одноклассник Сашка Назаров предложил ей «ходить», и она согласилась. Вечерами они гуляли по городу, взявшись за руки. Потом Дашке это надоело, и она бросила Назарова, а вместо него влюбилась в Кольку Сизова.

Бабушка ещё долго жила в Буланово. Каждую весну часть огорода смывало паводками в Салмыш. Когда бабушка умерла, дом хотели продать, но из-за участка, подмытого до середины, покупателя так и не нашли.

Жуки, гекконы и улитки

Повесть

Жук

Юленька прыгала по дорожке вокруг бассейна через две плитки на третью, пытаясь не попасть на полосу шва. Эта игра надоела ей, но она старалась привлечь внимание мальчика, который стоял на краю площадки и смотрел в сторону.

– Привет! – не выдержала Юленька. – А ты английский?

Она остановилась рядом с мальчиком и посмотрела туда же, куда и он. На траве лежал огромный рогатый жук с коричневым панцирем.

– Я русский! – угрюмо сказал мальчик и скосил на Юленьку глаза.

– А как зовут?

– Федя.

– Меня Юленька. Но у меня есть тайное имя! – Она замолчала.

Федя исподлобья посмотрел на неё.

– Ладно, так и быть, скажу. Настя! – она прошептала имя мальчику прямо в ухо. – Меня им крестили, поэтому его нельзя знать.

– Зачем же сказала?

– М-м-м-м... – она театрально почесала макушку. – Не знаю. Может, ты мне нравишься.

– Так быстро люди не нравятся.

– А мне нравятся. Мне всё нравится. Кроме лука и варё-

ных яиц. Ты любишь варёные яйца?

– Настоящие мужики едят всё!

– А что, бывают игрушечные мужики? – Юленька захихикала.

– Бывают мямли и размазни!

– Это которых по тарелке размазывают?

– Если ты будешь надо мной смеяться, я уйду! Я старше, и я – мужчина. Ты должна меня уважать!

– Ладно, ладно! – легко согласилась Юленька.

Федя присел на корточки и аккуратно взял жука. Жук не шелохнулся.

– А тебе сколько лет-то?

– Восемь.

– Мне пять.

– Вот видишь!

Юленька снова стала перепрыгивать плитки, допрыгала до куста с тёмной, вощёной листвой и нежно-розовыми цветками.

– Смех, кстати, продлевает жизнь. Мама так говорит, – заявила она.

– Что? – не понял Федя.

– Ты сказал, чтобы я не смеялась. А смех продлевает жизнь!

Федя держал жука и смотрел на Юленьку.

– Видела жука? – шёпотом спросил он.

Она оглянулась, смерила худого, загорелого, коротко

стриженного и лопоухого Федю взглядом и беззаботно махнула рукой:

– Ой! Да тыщу раз!

– Кто бы сомневался!

– Шучу. Не понимаешь, что ль? Покажи! Покажи жука!

Он загородился от неё плечом.

– Ну пожалуйста! Пожалуйста! Пожалуйста!

– Ты же тыщу раз видела. Отстань.

Юленька поджала губы и, засунув руки в круглые карманы платья, села на край лежака. Она задумчиво смотрела на голубую воду, сквозь которую просвечивали выложенные мозаикой дельфины. За дорожками бассейна начинался тропический сад, полный зелени, острого пряного аромата и стрекотания неизвестных существ. Юленька громко вдохнула горячий и влажный воздух и сказала, указывая на соломенную крышу навеса:

– Хорошо в тенишке. Шоколадка не тает. – Она зашуршала в кармане фольгой. – Хочешь шоколадку?

Федя обернулся.

– Иди ко мне, – Юленька постучала по лежаку ладошкой.

Федя подошёл.

– Смотри, вот жук, – он поднёс ладонь к её липу. – Я просто не хотел тебя пугать.

Юленька кончиком пальца дотронулась до блестящего панциря, потрогала рога.

– Ой, как страшно! Ну и чудовище!

– Большой!

– Он кусается?

– Он же мёртвый!

– А так бы полпальца откусил.

– Да, наверное, руку по локоть!

Они засмеялись. Юленька деловито достала шоколадный батончик и долго примеривалась, наконец отломилась дольку Феде. Себе оставила три.

– Мальчикам нельзя много сладкого. А то они будут как девочки.

– Фигня! – оскорбился Федя. – Мальчики не бывают как девочки.

– Бывают!

Федя засопел и сморщился. Он быстро съел свою дольку и с тоской посмотрел на Юленьку.

– Обиделся? – спросила она полным ртом.

– С чего бы?

– Обиделся, обиделся! – Юленька дунула ему в лицо своими шоколадными губами и засмеялась. Она вдруг стала щекотать его, а потом попыталась лизнуть в ухо.

– Ты что, дурочка?

Но через минуту оба уже хохотали от щекотки и мокрых, странных прикосновений.

– Бе-бе-бе! – кричала Юленька.

– Бу-бу-бу! – отвечал Федя.

– Бы-бы-бы-бы!

– Бя-бя-бя!

Они корчили рожи и смеялись, счастливые друга от друга, шоколада и рогатого жука, который лежал между ними на матрасе.

– А мои родители дом ищут, – вдруг сообщила Юленька. – Сейчас мы в другом месте живём. Но там собака злая.

От дальнего бунгало в зарослях желтовато-зелёного остролистого бамбука послышался женский голос:

– Юленька! Где ты? Мы едем.

– Мама! – Юленька вскочила и захлопала в ладоши.

Мальчик

– Тук, тук, тук! Можно войти? – Не дожидаясь ответа, Юленька толкнула дверь, та распахнулась и громко ударилась о стену. – Ой!

Из прохладного, тёмного холла смотрела женщина, похожая на привидение. Она покачивалась в кресле-качалке.

Юленька сделала шаг вперёд и, запинаясь, спросила:

– Я... Можно я мальчика вашего заберу?

– Какого мальчика? – улыбнулась женщина. – Федю?

– Ага.

– Он отдыхает. Мы только с пляжа. Немножечко обгорели.

Федя выглянул из проёма комнаты. Лицо его было красным.

– А вы кто? Федина мама? – спросила Юленька.

– Да. Меня зовут Оксана.

– А мы переехали в соседний дом. Это там, – Юленька показала в сторону, где, по её представлению, находилось бунгало. – Вы знаете, кроме Федей, здесь все английские, мне не с кем дружить. Можно я буду дружить с Федей?

– Конечно! – Оксана подняла свои выгоревшие, почти незаметные брови и улыбнулась.

Федя, крадучись, шёл к выходу.

– Сына, – всплеснула Оксана длинными руками, – куда ты в одних трусах? К тебе девочка пришла!

Федя юркнул обратно в комнату и снова выглянул из-за дверного косяка.

– А хочешь личи? – спросила Оксана Юленьку. Она встала и оказалась высокой и худой. Белое просторное платье свисало до пола.

– Это такие ёжики? Бе! Гадость! Я люблю бананы и манго. Есть у вас манго?

– Есть банан. Будешь?

– Давайте. А то я уже голодная.

Оксана отломил один фрукт от связки перезрелых, некапистых, похожих на пальцы бананов и протянула Юленьке.

– У меня зуб шатается передний, – пояснила девочка, кусая банан боком рта. – Мммм! Вкуснятина! – Она целиком запихнула банан в рот и погладила живот. – Моему пузу нравится!

Федя, одетый в голубые шорты с жёлтыми пальмами, фут-

болку цвета хаки и красные гольфы, вышел из комнаты.

– Федя! – Оксана страдальчески улыбнулась. – Это не идёт друг к другу.

– Нормально, – тихо сказал Федя.

– Ничего нормального. Подумай немножечко, Феденька. Это не сочетается.

– Настоящие мужики носят что придётся! – пробубнил Федя и, как ящерица, юркнул в дверь на улицу. За ним устремилась Юленька.

Балда

Прислонившись лбом к стволу пальмы, Юленька считала:

– Один, два, три, пять, семь, одиннадцать, двенадцать!

– Ты неправильно считаешь! – крикнул Федя, выглядывая из-за куста, усеянного крупными красными цветками. Листья кустарника были мокрыми после ливня, и Федя хотел забраться в самую глубину, в тень, где солнце не поджаривало бы его обгоревшие плечи.

– Я иду искать! – Юленька направилась к кусту и торжествующе закричала: – Нашла!

– Так нечестно! – возмутился Федя. – Я себя выдал! Я подсказал!

– А ты не подсказывай!

– А ты считай правильно!

– Раз, два, три, пять, семь...

– Неправильно!

– Нет, правильно! – Юленька сжала кулаки.

– Ты необразованная! – спорил Федя. – Вот подучишься в школе, тогда скажешь: прав был Федя, какая же я балда!

– Это ты не умеешь считать!

– Балда! Балда! Балда!

– Я не балда! Не балда-а-а!

– Нет, балда!

– А-а-а-а-а-а! – завизжала Юленька. – Ма-а-а-ма-а-а! – она побежала к бунгалу. – Я айпад тебе не дам! – выкрикнула она и скрылась в травянисто-зелёных зарослях бамбука.

Юленька вбежала в открытую дверь и со злостью хлопнула ею. Со стены упала резная маска с оскаленным ртом и выпученными глазами. Маска была похожа на красное, злое Юленькино лицо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.